

ГОДЪ ИЗДАНІЯ ШЕСТОЙ.

ЩЕДРОКОВЫ

СТАРООБРЪДАЧЕСКІЙ ЦЕРКОВНО-ОБЩЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

За годъ ..... 5 р. — к.
 полгода ..... 2 „ 50 „
 3 мѣсяца ..... 1 „ 50 „
 Допускается расписка къ 1-му январю следующего 2 руб., къ 1-му мая 2 руб. и къ 1-му сентября 1 руб. Первая половина „Колочей“ высылается годовыми подписчиками за одинъ долларій рубль. Вторая половина „Колочей“ высылается по получению послѣднего вывоза водки.

Объявленія печатаются полярнаго текста — 25 коп. за строку печати.
АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ И КОНТОРЫ:
 Москва, Бороховская площадь, домъ 7-а Рабушннскихъ.
 Телефонъ 204—43.
 За перемѣну адреса уплачивается 25 коп.

Редакція открыта ежедневно, кромѣ воскресенья и праздничныхъ дней, отъ 10 до 6 час. вечера.

Редакторъ принимаетъ къ печати корреспонденціи отъ 3 до 6 час. дня, и въ среду — отъ 12 до 3 ч. дня.

Рукописи, присланныя безъ обозначенія условій, считаются безвѣстными: по принятіи къ печати сохраняются для извѣдана и затѣмъ уничтожаются; обратно пересылаются только по уплатѣ стоимости пересылки.

С В Ѣ Т Ы .

А В Г У С Т Ъ .

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 18 (вѣд. 11 по Пятдесятимѣс. Гласъ 2): Св. муч. Флора, Лавра, Зоя, Серапиона и Подельца.
 ПОНЕДЕЛЬНИКЪ, 19: Св. муч. Андрей Стратилата, Тимофей, Агапія и немцы.
 ВТОРНИКЪ, 20: Св. дрор. Самуила — Св. муч. Севера, Мемнона и иже съ ними.
 СРЕДА, 21: Св. апостола Вадима — Св. муч.: Васса, Феоанія, Агапія и Апостолъ — Преставленіе преп. Авраамія архимандрита смоленскаго чудотворца.

ЧЕТВЕРГЪ, 22: Св. муч. Агафоника, Зотика, Зинона, Феофреанія, Акиндила, Северіана, Алексія, Анаксія епископа, Бесѣдита и Харисима.
 ПЯТНИЦА, 23: Св. муч. Лула. — Св. муч. Иринія, епископа сарматскаго — Св. отца нашего Каллиника, патрарха Константинограда.
 Отдѣліе празднства Успенія Пресвятой Богородицы.
 СУББОТА, 24: Св. муч. и апостола Евстагія. — Св. муч. Тагіана. — Преп. Сергія исповѣдника. — Приселеніе члвчмъшъ мѡеиъ св. отца нашего Петра митрополита кіевскаго и всахъ Россіи чудотворца.

Христіанство и вѣротерпимость Константина Великаго.

(Къ 1600-лѣтнему юбилею христіанской свободы).

При Константинѣ Великомъ уже ярко бросается въ глаза характеристическая особенность христіанства. Почти съ одинаковымъ успѣхомъ распространялось оно среди народовъ, какъ входившихъ въ составъ Римской имперіи, такъ и смежныхъ съ нею со всѣхъ сторонъ. При этомъ внутреннія свойства народовъ, — ихъ образованность и необразованность, — не имѣли особеннаго значенія: христіанство воспринималось народами образованными и почти варварскими. Народы Кавказа, Персія, Месопотамія, Аравія и Эфиопія охотно воспринимали христіанскую вѣру. Существовало оно, со времени апостола Фомы, въ отдаленнѣйшей отъ Рима Индіи. Уже тогда проливалось оно и къ ближайшимъ къ Риму варварскимъ народамъ Европы, — галламъ, кельтамъ, германцамъ и др. О распространении новой вѣры среди восточныхъ народовъ римляне могли имѣть очень смутныя представленія, могли даже и вовсе не имѣть ихъ. Но распространение его среди варваровъ собственно Европы, съ которыми Римъ вѣкъ и никогда не прекращающія войны, было съ большою опре-

деленностью извѣстно въ столицѣ міра. И это обстоятельство глубоко поражаело вдумчивыхъ и проникательныхъ римлянъ. Вѣсть съ христіанствомъ къ варварамъ проникла и зачатки греко-римской культуры, и притомъ не въ глубокомъ и одностороннемъ эгзотическомъ смыслѣ, а въ особенной, возвышенномъ, обогороженномъ христіанскимъ учениемъ. Къ варварамъ несло культуру и римское оружіе. Распространеніе культуры — одна ли не главная причина воинаго шатлека имперіи на окружающіе ее народы. Но погъ содѣйствіемъ меча дѣло поднималось весьма медленно. Совершенно иной успѣхъ имѣла новая вѣра. То, что было почти недоступно побѣдоноснымъ римскимъ легионамъ, безъ крови, безъ шума, а тихо и скромно, съ вѣрой и молитвой выполнялось часто совершенно незаметными христіанскими проповѣдниками. Эти мирные легионы несли варварскимъ народамъ свѣтъ Христовъ, а вѣсть съ нимъ и зачатки жизни гражданской и просвѣщенія свѣтскаго; и приобщали къ себѣ самыхъ великихъ культурныхъ народовъ. Каедръ главнѣйшихъ епис-

46. р. 41 3/3

сколь по степени сдвинулись также и великие просветительные центры, которые отдаленные и варварские народы присоединили не только къ христианству, но также и къ просвещенному греческо-римскому миру. Таково значение имбли александрийские, антиохійскіе, римскіе и многие другіе епископы. Их миссіонеры перьдо достигали значительнаго бытѣ отдаленныхъ областей, чѣмъ римскіе легионы и почти всюду вмѣстѣ съ Евангелиемъ они распространяли и гражданственность и вѣтхую славу Римской имперіи, пою христиане никогда не възявши государству-имперіи, хотя и терпѣли жестокаго гоненія.

Внутри государства христианство называло никогда до тѣхъ поръ бывающее обичіе между собою разныхъ классовъ и разныхъ народовъ. Хотя христианство и не уничтожило рабства, все же оно устанавливало совершенно новыя отношенія между различными классами населенія, рекомендуя рабамъ вѣрно служить господамъ и винушая христианамъ-господамъ относиться къ своимъ рабамъ, какъ къ свободнымъ и братьямъ. Черезъ это въ самыя первыя времена христианства началась весьма важная индустриальная работа, задержанная потомъ другими историческими явленіями. Житія святымъ и другіе историческіе акты даютъ много примѣровъ тому, съ какою преданностью христиане-рабы относились къ своимъ господамъ и обратно. Какое многочисленное количество рабовъ постоянно отпускалось на свободу христианамъ-господами. Все это не могло не имѣть благотворнаго вліянія на внутреннюю государственную жизнь, на улучшение частнаго хозяйства, на развитіе промысловъ и торговли зъ, следовательно, на общее экономическое благосостояніе. Подъ вліяніемъ христианства создавалось необыкновенно обширное сношеніе между разными народами, входившими въ составъ Римской имперіи. Со времени апостоловъ и по ихъ примѣру, весьма широко примѣнялось письменное обичіе между разными церквями. Въ важныхъ случаяхъ за или другія церковь обращалась съ «оружными посланіемъ» во всѣхъ остальныхъ. Такъ, послѣ мученической кончины св. Поликарпа (пострадалъ 23-го февр. 147 — 169 г.) смирнская Церковь обратилась съ оруженными посланіемъ, въ которомъ подробно изложено все относящееся къ мученической кончинѣ св. отца. Въ 178 г. было воздвигнуто большое гоненіе на христианъ въ Галліи, при императорѣ Маркѣ Авреліѣ. Главными городами здѣсь были Лудуна (нынѣ Лионъ во Франціи) и Вienne (Венна). По случаю этихъ гоненій христиане Лудуна и Вienne обратились съ особымъ посланіемъ къ христианамъ Азии и Фригіи. Посланіе начиналось: «Рабы Христовы, жителн Вienne и Лудуна въ Галліи—братья въ Азии и Фригіи, имѣющимъ одинаковаго съ нами вѣру и надежду искупленія, желаемъ мира и благодати и славы отъ Бога Отца и Христа Ісуса Господа нашего» (у Евсевія, кн. V, гл. 1).

Со времени Нерона (54—68 гг.) до Докетіана (284—305 гг.), т.-е. въ течение двухъ съ половиною вѣковъ, христиане перенесли 10 большихъ гоненій, не считая постоянныхъ и никогда не прекращавшихся пресѣдованій и притѣсненій со стороны областныхъ языческихъ властей. Несмотря на это, они весьма широко развили свою государственную и военную силу. Весьма много вѣтныя роды принадлежали къ христианству со времени апостольской проповѣди. Въ числѣ христианъ были ученые, философы, адвокаты, врачи и т. д. Уже при Маркѣ Авреліѣ (161—180 гг.) нѣкоторые римскіе легионы состояли почти изъ однихъ христианъ. Такъ, изъ свѣдѣтельности Евсевія необходимо заключить, что мелитскій легионъ состоялъ изъ христианъ (см. V, гл. 5, стр. 249). Весьма возможно, что британскіе и галльскіе легионы были по преимуществу христианами.

Изъ приведенныхъ примѣровъ и взятыхъ просто назидательныя факты о положеніи христианъ въ Римской имперіи

можно вывести то общее заключеніе, что еще задолго до Константина Великаго христианство развило огромную объединительную и просвѣтительную дѣятельность, пробивая народъ къ народу, классъ къ классу и варваровъ къ гражданственности, иначе—дѣятельность международную, социальную и колонизаторскую. Не менѣе велика была и его военная сила. По временамъ это значеніе призывалось за христианами самими императорами. Укажемъ только на два—три факта. Маркъ Аврелій издалъ указъ, чтобы на христианъ не принимались никакіе допросы, конечно, касательно вѣроисповѣданія (у Евсевія, стр. 250). Александръ Северъ, поскольку не скрывая, благоволилъ христианству, замысливъ даровать ему полную свободу, и доктъ, его болѣею частью состоялъ изъ вѣрныхъ (у Евсевія, стр. 334). Филиппъ Аравитянинъ (244—249 гг.) лично исповѣдывалъ Христову вѣру. Вотъ что объ немъ повѣствуетъ Евсевій: «Будучи христианиномъ, Филиппъ однажды захотѣлъ, говорить, вмѣстѣ съ народомъ участвовать въ молитвенныхъ Церквн во время послѣдняго пасхальнаго весенняго бѣнія, но не прежде допустить былъ тогдашнимъ предстоятелемъ, какъ послѣ исповѣди и присоединенія къ числу грѣшниковъ, стоявшихъ въ отбѣленіи кающихся. Не сдѣлавъ сего, онъ, ради жестокости своихъ преступленій, не былъ бы принятъ епископомъ. Впрочемъ, императоръ, говоритъ, охотно поступалъ и исповѣданіе благоговѣніе своего сердца, исполненнаго страха Божія, доказавъ дѣлами» (у Евсевія, кн. VI, гл. 34, стр. 339).

При такомъ расположеніи къ христианству даже самыхъ римскихъ императоровъ гоненія никогда вызывались чисто политическими соображеніями. Такъ послѣ Александра Севера кесаремъ сдѣлался Максиминъ I. «По неустави къ дому Александра,—говоритъ Евсевій,—состоявшему болѣею частью изъ вѣрныхъ, онъ (т.-е. Максиминъ I) воздвигъ гоненіе на христианъ и повелѣлъ умервлять однихъ представителей церкви, какъ главныхъ распространителей евангельскаго ученія» (кн. VI, гл. 28, стр. 334). Послѣ Филиппа точно такъ же поступилъ его преемникъ, императоръ Декий. «По неустави къ Филиппу, онъ воздвигъ на церкви гоненіе» (тамъ же, гл. 39, стр. 342). Это депрессное гоненіе относится къ числу наиболее жестокихъ. Эти факты свидѣтельствуютъ, что иногда гоненія вызывались не религиозными, а политическими соображеніями. Тотъ или другой императоръ, возставая противъ христианъ во всеоружіи своей власти, зидущае: не своихъ старыхъ языческихъ боговъ, въ которыхъ и самъ плохо вѣрилъ, а собственную власть и собственную силу только воображаемую династію. Они предугадывали силу христианства и страшились его, какъ силы новой и неодолимой. И чѣмъ ослѣпленѣе было гоненіе, тѣмъ большую силу признавали въ христианствѣ самн гонители. Все это было признакомъ того, что для христианъ приближался день свѣтлаго и радостнаго торжества.

По своей политической дальновидности и пророзривости. Константинъ Великій опредѣленно и ясно до проинвизитности созналъ въ христианствѣ великую строительную силу, могущую разрозненныя и разпорзненныя части имперіи объединить въ одно стройное цѣлое, и силу просвѣтительную, могущую внутренне обновить одряхлѣвшій государственный организмъ и вызвать въ народныхъ массахъ и въ высшихъ классахъ совершенно новую жизнь. Эта сила лежала въ самомъ существѣ христианства, въ его исповѣданіи, въ евангельскомъ ученіи. Поэтому христианству была дарована свобода не какъ народу, а какъ исповѣданію. И до него отдаленныя народы признавали совершенно свободными въ религиозномъ отношеніи. Каждый безрелигиозно могъ почитать своихъ боговъ. При этомъ однако не было никакой рѣчи о свободѣ собственно исповѣданія, о свободномъ развитіи и вліяніемъ распространеніи какой-либо религіи за счетъ другихъ. Этого не только не было, но даже и не могло быть. Ре-

лигия почиталась принадлежностью исповѣдающаго ее народа, класса, кѣтности, даже отбѣдной семьи. Особенности богоства были у войска, особая у моряковъ, торговцевъ и т. д. При такомъ общемъ стрѣль или состоянн тогдашняго язычества не было даже и мысли о распространѣнн собственна римскаго религнн. И своихъ боговъ Римъ никогда не навязывалъ покореннымъ имъ народамъ. Наоборотъ, въ свой пантеонъ онъ съ большою охотой зачислялъ чужестранныхъ боговъ, не только греческихъ, египетскихъ, снрнскихъ, но и великихъ другихъ. Была мысль, чтобы всѣхъ боговъ свалить въ одну, такъ сказать, кучу (синкретизмъ), но не было мысли о томъ, чтобы какаго-либо религнн получила мировое или сверх-национальное значенне и вытнсилась или замѣнила собою другн религнн. Римъ во все время своего существованн понималъ о политическомъ господствѣ, но не религнозномъ (Только одинъ Юлианъ Отступникъ поставилъ предъ собою религнзную задачу. Но это единственный примѣръ во всей римской исторн).

Константинъ Великий первый изъ римскихъ императоровъ усвоилъ идею о свободѣ религнзной. Онъ понялъ, что христианство сильно подвнжало, что оно принадлежитъ не одному народу, какъ религнн язычества и даже иудейства, а многимъ, что къ нему могутъ присоединиться даже всѣ народы всего мира. При такомъ состоянн естественно возникаетъ вопросъ о свободѣ, о свободѣ исповѣданн Христовой вѣры, свободѣ проводить, свободѣ присоединенн къ христианству, свободѣ для каждого отказываться отъ прежнихъ боговъ и ученн. Всѣ эти вопросы были заданы съ полною определенностью въ Византии Самимъ Христомъ, на практическую почву поставлены апостолами и были широко, безъ всякаго признанн со стороны всемирной римской власти, осуществлены въ временахъ Константина Великаго. Но ничто изъ этого не было признано и утверждено со стороны государственной власти. Предъ Константиномъ Великимъ лежала трудная чисто юридическая задача о провозглашенн религнзной свободы. Эта идея не самому существу, какъ мы уже сказали, была чужда языческому мировоззрѣнню и она не была разработана римскими юристами. Константинъ могъ этотъ вопросъ, и грихотъ во всемъ его объемѣ, разрѣшить однимъ взмахомъ, разрушивъ его, какъ горѣвъ узелъ. Но своей приверженности къ христианству и при своей всемирной власти, подкрѣпленной побѣдоносными христианскими легионами, и необозначеннымъ никакими серьезнымъ претендентами на престолъ, онъ могъ просто провозгласить христианство господствующей вѣрой и уничтожить юридическое существованне язычества во всѣхъ его видахъ, въ какихъ оно находилось въ Римской имперн. Но въ Константинѣ сказывались не только политикъ и государственный дѣятель, а и тонкнй пониматель римскаго права. Подобное разрѣшенне вопроса было бы противно самому христианству. Оно лишило бы христианъ свободной проповѣди; въ такомъ случаѣ дѣйствовали бы мечъ и сила государственная, а не слово убѣжденн. Это же самое рѣшенне лишило бы и язычниковъ свободы на исповѣданне Христовой вѣры и отъ всѣхъ отняло бы великую радость сознать: да, я утверждалъ во Христа и свободно исповѣдалъ Его. Если христианскн нуждались въ свободѣ устранивъ свою жизнь на христианскнхъ пачалахъ и не быть, по крайней мѣрѣ, гонимымъ за исповѣданне Христа, то и язычникъ не менѣе христианина нуждался въ свободѣ оставаться ли въ своемъ язычествѣ, или же присоединиться къ христианству.

Въ смыслѣ указанной точки зрѣнн никакой рѣши о провозглашенн христианства господствующей вѣрой не могло быть. Возможно было только одно — даровать христианству свободу. Но даровать эту свободу только одному христианству, собственно католической Церкви, въ которой принадлежалъ самъ Константинъ, было совершенно невозможно, точнѣе — бесполезно и бессмысленно. Уже въ цѣляхъ самой Церкви не-

обходимо было даровать свободу всѣмъ, т. е. объявить религнзную свободу вообще. Это была совершенно новая идея, до тѣхъ поръ неизвѣстная ни римскому государству, ни римскому праву, но глубоко созвучная христианамъ. Благодаря ли самому Константину или его секретарямъ, ученымъ юристамъ (миланскнй эдиктъ, по всей вѣроятности, составленъ не самимъ императоромъ, а именно его секретарями), во всякомъ случаѣ въ миланскомъ эдиктѣ не просто определено и точно, а ярко и настоятельно выражена мысль о всеобщей свободѣ вѣроисповѣданн безъ всякихъ исключенн. Здѣсь говорится: «Мы, Константинъ Августъ и Ликийн Августъ... заблагоразудили и христианамъ и всѣмъ отъ насъ произвольное соблюденне того богослуженн, какого ты желаешь, чтобы Божественное и небесное Существо, какъ бы Его ни называли, было благосклонно и къ намъ и ко всѣмъ, находящимся подъ нашею властью».

Пусть рѣшительно никому не запрещается избирать и соблюдать христианское богослуженне, по каждому отдѣлу на произвольное обращаться мыслию къ той вѣрѣ, какую ты находишь согласно съ собственнымъ убѣжденнмъ».

Если же это (свободу) мы позволяли имъ (христианамъ) безъ ограниченн, то вѣстѣ съ этимъ дается право и другимъ, но желанно, соблюдать свои обычаи и свою вѣру».

Всякн имѣть свободу избрать и чтить Божество, какое кому угодно. Такъ определено нами съ тою цѣлью, чтобы не казалось, будто мы хотимъ унизить достоинство какаго бы то ни было богослуженн».

Наравнѣ съ христианами точно такая же свобода дается и всѣмъ другимъ, не исключая никакое вѣроисповѣданне. При этомъ каждый воленъ избрать себѣ вѣроисповѣданне, не согласуясь ни съ рожденнмъ, и ни съ какими другими условнями, а единственно съ своимъ собственнымъ желаннмъ. Чувствуемъ возможность вопросовъ: Какъ, развѣ Константинъ Великий рожденнымъ въ христианствѣ позволялъ уклониться, на примѣрѣ, въ язычество? Или позволялъ язычникамъ свободно проповѣдывать ихъ вѣру и обращать христианъ снова въ язычество? Да, безусловно, а не повидному только, все это дѣйствительно было. Ничего удивительнаго и страннаго въ этомъ нѣтъ. Для Церкви никакн отпаденн не были страшны. Возвратъ къ язычеству представлялся просто немислнмымъ и примѣровъ этому не было, вромѣ исключительнаго случая Юлиана Отступника. По самому существу Церковь состояла изъ лицъ, свободна, а не по принужденн исповѣдующихъ истинную вѣру. Это свободное исповѣданне было необходимымъ условнмъ для принадлежности къ Церкви Христовой. Даже отъ рожденных въ христианствѣ требовалось это исповѣданне. Церковь ждала свободныхъ исповѣданнѣ и работъ по вѣрѣ или принужденныхъ въ воспрнять ея ученн она не имѣла въ своей снрѣ. И это могло, естественно, достигаться полною для каждаго свободой — исповѣдывать ли христианство и принадлежать къ Церкви, или уклониться отъ истиннаго ученн. Потому гражданская свобода уклоненн отъ христианства не имѣла для Церкви никакаго страшнаго значенн, а имѣла то существенное значенне, что именно этою свободой постоянно суднтельствовались искренна и непринужденна вѣра ея членовъ. Еще менѣе страшна для Церкви была свобода языческой проповѣди: эта свобода язычеству была не свойственна по слншкомъ узкому значенно языческихъ религнн, такъ что провозглашенне этой свободы ничего не могло дать язычеству, наружано всегда имѣвшему эту самую свободу и внутренне никогда не пользовавшемуся ею и не могущему воспользоваться, благодаря участи и сжатости своего мировоззрѣнн.

Современники Константина Великаго и онъ самъ, лично миланскнй эдиктъ понимали только въ указанномъ сейчасъ смыслѣ, т. е. въ смыслѣ провозглашенн полною и рѣшительной свободы для каждаго исповѣданн, для истинной Хри-

стовой кавалерийской Церкви, для расколовъ и ссесей, для иудейства и, наконецъ, для христiанства.

Изданiе миланскаго эдикта Евсевiя Памфила, приветствоваться слѣдующими словами: «Теперь свѣтлый и ясный день, не омраченный никакими облаками, озарилъ лучами небеснаго свѣта Церковь Христову во всей вселенной; такъ что и тѣ, которые ей принадлежали къ нашему братству, могутъ пользоваться одинаковыми съ нами яркими или, по крайнему мѣру, могутъ наслаждаться отраженiемъ Божественныхъ благовъ, събывшихся нашимъ достоинствомъ» (кн. X, гл. 2, стр. 499). Эдиктъ приветствуется свобода, какъ безцѣнное благо не только для христанъ, но и для другихъ. И такъ смотрѣвъ на дѣло христанскiй епископъ, въ то время безусловно православный (позднѣе онъ склонился къ арианству).

Провозглашенная миланскимъ эдиктомъ религиозная свобода дѣйствительно распространялась на всѣхъ. Такъ смотрѣвъ на это дѣло и самъ Константинъ Великий, въ 323 г. правитель Востока онъ писалъ: «Хочу, чтобы народъ мой наслаждался спокойствiемъ и безмятежностью; хочу, чтобы подобно вѣрующимъ прiятности мира и тишины радостно вступали и заблудшагося. Пусть никто не беспокоитъ другого, пусть каждый дѣлаетъ то, чего хочетъ душа. Люди здравомысленные должны знать, что только тѣ будутъ жить свято и чисто, кого Самъ Богъ призываетъ поступить подл святыми Его законами; а отвращающiеся пусть выдѣлится кашниками своего жеученiя. У насъ есть свѣтлiй храмъ Божественной истины; того же желаемъ и нынѣ и пусть они, приходя къ общему единомыслию, стали бы наслаждаться удовольствiемъ сердца» (у А. П. Лебедева, «Эпоха гоненiй», стр. 322). Въ посланiи жителямъ Востока (324—325 гг.) императоръ Константинъ подтверждалъ тѣ начала религиозной свободы, которыя были высказаны въ миланскомъ эдиктѣ. Здѣсь онъ съ большою откровенностью высказываетъ свой личный взглядъ на язычество. Какъ христанъ, онъ энергично востаетъ противъ языческаго суевѣрiя, а какъ государь и законодатель, — остается за язычниками полною свободу. Онъ желаетъ, чтобы язычникамъ привѣтъ въ служенiю свѣтлiшему закону и подл руководствомъ Высочайшаго Существа возрастать блаженнiую вѣру. И при всемъ этомъ оставляетъ за язычниками полную свободу. «Пусть, — говоритъ онъ, — никто не вредитъ другому. Что одинъ узналъ и проналъ (т. е. христанине), то пусть употребляетъ въ пользу ближняго, а когда это невозможно, долженъ оставить его» (тамъ же).

Свою широкую вѣротерпимость Константинъ проявляетъ и на дѣлѣ. Язычникамъ при немъ пользовались полною свободою. Какъ и при императорахъ язычникахъ. Они занимали высшия должности въ государствѣ, безразлично содержали и строили храмы. Константинъ разрешаетъ имъ постройку даже храмовъ въ честь его собственнаго имени, но съ тѣмъ условiемъ, чтобы здѣсь не было кровавыхъ жертвоприношенiй. Безогворно относился Константинъ и къ иудеямъ. Въ 330—331 г. онъ освободилъ старшiйшихъ еврейскихъ отъ повинностей, подобно христанскому духовенству.

Такой широкой вѣротерпимости, каковая была выражена въ религиозномъ законодательствѣ Константина Великаго и при немъ осуществлялась на самомъ дѣлѣ, въ самой жизни, не было ни прежде ни послѣ этого государя. Предоставляя такую свободу, императоръ желалъ, какъ онъ говоритъ въ посланiи Александрийскому епископу Александру и Арию, «предоставленiя всѣхъ дѣлъ» и Божество соединитъ какъ бы въ одинъ общiй строй и возвратитъ прежнее здравье цѣлому иудейскому народу, пораженному какъ бы вѣдомою тяжелою болѣзью» (у А. П. Лебедева, стр. 325). При Константинѣ государство дѣйствительно жило спокойно, и церковная жизнь развивалась съ безпримѣрной въ исторiи быстротой.

Но тогда же послѣ него религиозная свобода пошла на убыль, а вскоре была и вовсе забыта. И съ тѣхъ поръ и церкви и государство стали колебаться въ самыхъ своихъ основахъ.

ОБЗОРЪ ПЕЧАТИ

Посмотрите на себя.

Въ промишальной печати попадаются иногда интересныя вещи. На-дняхъ въ маленькой газетѣ «Искорка», выходящей въ Старой-Руссѣ, Новгородской губ., напечатаны были вѣстимымъ священникомъ господствующей церкви П. Тузовымъ «Вопросы старообрядца». Всѣхъ вопросовъ семь, но сводятся они, въ сущности, только къ двумъ: къ вопросу о внутреннихъ раздѣленiяхъ въ старообрядчествѣ и къ вопросу о томъ, почему у старообрядцевъ-безоповцевъ нѣтъ священства? Священникъ Тузовъ ужь очень наивно рассказываетъ, какъ онъ случайно нашелъ эти совѣты немудренныя «вопросы» и «своего» содѣла-священника. На самомъ же дѣлѣ онъ самъ ихъ составилъ. Не выдалъ ихъ за собственное произведенiе постыжился: онъ дѣйствительно похожъ на «пробу пера» какого-нибудь школьника, не знающаго жизни и незнающаго съ тѣхъ, о чемъ вѣдѣлъ писать. Возможно ли обвинять старообрядчество въ раздѣленiяхъ, когда онъ идетъ съ апостольскими временъ. Это, во-первыхъ. Во-вторыхъ, давно ли старообрядцы получили возможность собраться на свои собранiя и съѣзды и объединяться здѣсь въ мысляхъ, понятiяхъ и дѣятельности. Всего только семь лѣтъ назадъ. И за этотъ короткий періодъ старообрядцы все же успѣли сдѣлать очень многое для объединенiя старообрядчества въ одну древне-благочестивую Церковь. Къ сожалѣнiю, у нихъ начинаютъ отбирать эту возможность объединенiя. Попробовали бы старообрядцы теперь собраться хотя бы въ той Старой-Руссѣ, гдѣ издаются «Искорки», для объединенiя вопросовъ объединенiя старообрядчества. Этого сдѣлать имъ не позволяютъ. А если бы они собрались по секрету, то, пожалуй, о Тузовѣ, написаннiй въ составленнiи вопросовъ, первымъ догадался бы сдѣлать на нихъ доносъ по начальству. Въ-третьихъ, въ то время, когда старообрядцы повсюду стремятся сплотиться между собой, спаяться въ одну старообрядческую семью, господствующая церковь быстро и роковымъ образомъ дробится на секты, партiи, группы, разныя религиозныя теченiя и т. п. Что же кажется великимъ и безоповцевъ священства, то и въ этомъ вопросѣ о Тузовѣ забытъ, что благочестивыхъ священниковъ прикончили огнемъ и мечомъ не старообрядцы, а предки о. Тузова — никонитане. Не одинъ безоповецъ, но и самъ составитель вопросовъ повиненъ въ томъ, что многіе старообрядцы лишились священства. Къ счастью, не всѣ старообрядцы остались безъ священства. Большая ихъ часть имѣетъ на столпу церковную иерархію. Вырвись и найдется, что подл ея водительствомъ объединятся всѣ старообрядцы: тогда всѣ они будутъ въ истинныхъ и благочестивыхъ священствѣхъ.

На вопросы о Тузовѣ въ тѣхъ же «Искоркахъ» (№ 373) дадъ хорошую отвѣтъ членъ господствующей церкви А. Владимировъ. Онъ прежде всего отмѣчаетъ, что

«вопросы» о Тузовѣ нисколько не затрагиваютъ болѣе важную и, пожалуй, болѣе многочисленную часть старообрядчества — поповщину. Писунія эти странны — продумываетъ

г. Владимиръ—не имѣетъ дѣла подемизировать съ авторомъ «вопросовъ» или священникомъ о П. Тузовымъ. Я хочу только замѣтить, что рискованно указывать старообрядцамъ на многообразіе ихъ толковъ и согласій. «Врачу, нецѣлся самъ»,—скажетъ начитанный старообрядецъ и спроситъ: «А откуда у васъ, православныхъ, Иоанниты и именословцы, инокинетивы и соловьевы (последователи философа В. А. Соловьева)? Почему въ богословскихъ трактатахъ профессоръ духовныхъ академій сплошь и рядомъ встрѣчается еретическія мудрствованія,—католіцизмъ, лютеранскія и другія? Почему господствующая великороссійская церковь разнуетъ съ греческой въ вопросѣ о чинопріемѣ катарковъ, католическихъ ксендовъ и нѣкоторыхъ другихъ вопросовъ? Откуда въ великороссійской церкви появились «боновѣнцы», «пелопонцы», «наковцы», и т. д.? Православны ли, напримеръ, такъ называемая «Трудовая община», устроенная священникомъ о. Н. Опоицкимъ въ с. Велебичахъ, Новгородскаго уѣзда? Православны ли «Братцы-грезевники»? Православны ли, или еретикъ—интеллигентные «богоскатыли», въ родѣ Д. Мережковского, Бердяева и др.? А «апогостское христіанство» и проповѣдь всеобщей ответственности? А ученіе о преобразеніи плоти? А замѣтъ въ 1903 году, въ Москвѣ, у Троицы, митрополитъ Владиміръ служилъ въ облаченіяхъ мелебѣнъ вмѣстѣ съ ангажированнымъ епископомъ Градскемъ, тогда каеко, по канонамъ, Градскій—еретикъ перваго чина, да еще и іерархія-то ангажированная самозванца, незаконна и безблагодатна? Почему, наконецъ, среди Іерарховъ великороссійской церкви многие признавали и признаютъ «благотѣлю» и каноническую образованіею «Будемъ» иерархія, а другіе отрицаютъ это? Почему такъ называемые «единоверцы» и нѣкоторые іерархи и священники великороссійской церкви считаютъ «немошью», такъ сказать, «ненаслаившимъ» православіемъ, а другіе записываютъ, что считаютъ для себя большой духовною радостью слушанье по-старому въ единоверческомъ храмѣ? Почему большинство миссіонерства на бездѣлахъ со старообрядцами зовутъ «исковерченіемъ» («вѣкъ себя», а въ «осуду», т. е. въ единоверіе, и въ то же время есть священники (например, въ поселѣ Солыцахъ), которые за довереніе на заповѣди святыхъ, лишаютъ съ причастія, наказываютъ за довереніе школьниковъ, своихъ учениковъ?» И т. д. и т. д. Изъ подобныхъ вопросовъ, очень важныхъ для вѣрующихъ людей, можно составить цѣлую книгу. И эти вопросы господствующей церковью показывались такъ, что въ жизни господствующей церковью, подъ вымышленымъ единствомъ, есть элементы разногласія, разногласія, несогласія и даже ереси.

При изученіи жизни и ученья господствующей церкви и внутри старообрядчества мы приходимъ къ выводу, что тамъ и здѣсь много несогласія, разногласія и неправославія. Но, пожалуй, въ старообрядчествѣ, подъ вымышленымъ единствомъ и согласіемъ, больше внутреннего единства, чѣмъ въ церкви великороссійской, гдѣ за вымышленымъ единствомъ скрываются неосужденнымъ еретическія мудрствованія, неправомыслия и расорды.

Православіе само вѣрностью догматамъ восточной церкви и *апросто* *самотечески* *предлагалъ*. Съ этой точки зрѣнія старообрядцы наши братья, хотя они и вѣръ нашей церкви. Напротивъ, Мережковскіе и компанія, «боновѣнцы», «исповѣдники» et tutti quanti должны стоять отъ церковной правды, чѣмъ старообрядцы, хотя первые и не отдѣляются отъ церкви формально.

Старообрядчество, несомненно, на множестве толковъ и согласій, явлено въ русскомъ церковномъ преданіи, церковной святой старинѣ, какъ вселенской, такъ и русской, доиконовской. Съ этой точки зрѣнія нашъ, православнымъ, пожалуй, полезно присматриваться къ старообрядцамъ. Вотъ, напримеръ, въ сколько стаялось о старообрядчествѣ, данныхъ авторитетными архипастырями и учеными богословами великороссійской церкви.

«У насъ дѣла церкви, одинаково претендующія на православіе: одна—общинальная,—читаемъ мы въ книгѣ преосвященнаго епископа Велюкина «На зарѣ новой церковной жизни» (стр. 13, 25, 26),—а другая церковь, наряженная въ сѣрый эпитимъ, томима и преслѣдуемая, но полная живой искренняго вѣры и вѣрнай началу всенскаго православія».

Жизнь Церковнаго вѣрнай началу истинной православія, это—старообрядческая Церковь, сохранившая въ себѣ, всѣ основныя признаки Церкви Христовой, состоящая, только изъ свободной и добровольно вѣрующаго члена. «Нѣ хоту говорить о томъ иеполюкомъ положеніи, въ какое стаяну насъ 200 лѣтъ назадъ, одѣтые въ зипунъ и перемитъ, съ заскорузлыми руками, безъ всякаго образованія, но глубоко вѣрные старинѣ, канонамъ церковнымъ и ихъ правдѣ. Больно стано-

вилось на душѣ, когда приходилось вѣдѣть, что эта сермага или этотъ вѣрующій прымѣ тебя смотритъ на дѣло и истощающуе его зѣвать и вѣду, никого не стыдятся и не боятся,—что онъ, опечененъ, а на ты—являющаго его вѣрнымъ хранителемъ и истолкователемъ» (На зарѣ новой церковной жизни, стр. 40).

Извѣстный епископъ Никольскій сказалъ московскимъ миссіонерамъ: «Старообрядцы представляють для насъ поучительный примѣръ: они и теперь, какъ и ихъ предки, ревностно исполняютъ церковный уставъ и не ищутъ себе послѣднія черезъ его сокращеніе и измѣненіе. Можетъ-быть, Господи азѣтъ и попуститъ существованіе старообрядчества, чтобы черезъ его посредство сохранилась старинная церковь, которая безъ него безвозвратно исчезнетъ» («Братское Слово», 1906 года, № 3, стр. 24). А можетъ что писалъ о старообрядчествѣ извѣстный миссіонерскій органъ «Колокольчикъ»: «Православіе въ Россіи, это—не вѣра только въ общепринятомъ на Западѣ смыслѣ; это—сама жизнь, бытъ, вся психологія творчества русскаго народа сосредоточена въ рускомъ православіи; безъ русскаго православія немислима наша великая родина. Вотъ это пониманіе сущности русскаго православія и заставило нашихъ старообрядцевъ такъ самоотверженно отстаивать ничтожныя, на нашъ взглядъ, старинныя обряды... Старообрядцы, для которыхъ религія и бытъ представляють собой одно дѣло и недѣлимое,—какъ главная и единственная основа русской культуры, не могли ити ни на какія уступки» («Колокольчикъ» 1906 года, № 95). В. М. Скворцовъ въ «Миссіонерскомъ Обзорѣннѣ» (1906 года, № 3) свидѣтельствуеъ, что старообрядческіи мѣры сохранять у себя во всей строгости исключая начала и духъ церковности... Старообрядцы свято вѣруютъ и блюдаютъ церковная традиція вѣры и жизни» (стр. 423).

Число подобныхъ отзывовъ о старообрядчествѣ со стороны авторитетныхъ лицъ можно увеличить. Но это—выдѣтъ за предѣлы мѣста, любезно предоставленнаго г. редакторомъ «Искорки».

Имѣемъ смѣлость сказать въ заключеніе, что подходить къ старообрядчеству съ такими недоглубокими и нехарактерными вопросами, какъ въ №№ 369 и 370 «Искорки», едва ли полезно. Къ старообрядчеству нужно подходить очень осторожно и обдуманно. На вопросы, найденные священникомъ о. П. Тузовымъ, отвѣтитъ только начитанный. Гораздо больше «вопросовъ» всякаго рода можетъ предлагать старообрядцевъ къ возмужающему господствующей церковью... И это будутъ очень глубокіе и тяжелые вопросы.

Но отъ нихъ, какъ насъ бытъ отъ дыма, будутъ и отмахиваются и оо. Тузовы и оо. миссіонеръ господствующей церкви. О старообрядческихъ несогласіяхъ они еще поговаривать гдѣ-нибудь за угломъ или за чашкой и закуской у «сосѣда-священника». Но «больные» и «жгучіе» вопросы имъ не по вкусу. Да и о любимыхъ имъ темахъ, совсемъ мягкихъ для ихъ старческихъ—зубовъ, они не соглашаются говорить открыто съ оптинскими старообрядческими начетчиками и апологетами. Затоначи бы они ужь совсѣмъ. А то только позорять себя своими выступленіями, въ родѣ того, какое сдѣлалъ о. Тузовъ въ старо-русскихъ «Искоркахъ».

Апостолы-Искоріоты.

Ново-временскій публицистъ г. М. Меньшиковъ, часто открывающійся на текущіе вопросы религіозной и церковной жизни, рисуетъ въ «Нов. Вр.» страшную картину паденія и разложенія духовнаго сословія русской господствующей церкви. Оно падетъ въ себя на сужденіе церкви почти однихъ апостоловъ-Искоріотъ.

Посмотритъ, приглашаетъ г. Меньшиковъ, во что превратилось древнѣйшее изъ чиноначальныхъ управленій—церковное. У меня подъ руками очень обстоятельная записка г. В. Самушова «О предполагаемой реформѣ духовныхъ семинарій и училищъ», изданная на основаніи официальныхъ данныхъ. Видимо весьма сѣдущій авторъ рисуетъ самую

тагостную картину внутреннего разброда духовной школы, этой колыбели нашего священства и вообще—христианства на Русь. Отпните, например, такой факт. За десять летъ (съ 1896 по 1906) благовѣщская семинарія дала всего *десять священниковъ* въ годъ. Среднимъ числомъ это почтенное заведение выпускало ежегодно по *девяти десяткамъ* одного батюшки. Грустная статистика напоминаетъ вычисления покойнаго Габба Успенскаго о *четырехъ* лошади, приходящейся на крестьянскій дворъ. Между тѣмъ все это не анекдотъ, а быль. «По вычислению мѣстнаго преемственнаго,—пишетъ г. Самуиловъ,—содержаще семинаріи въ одинъ годъ стоить 70 т. руб., за 10 лѣтъ—700,000 рублей. Если раздѣлить эту сумму на 9, получится стоимость *образования одного священника для благовѣщской епархіи—около 80,000 рублей.*»

Велка наша земля и обильна бытовымъ куражемъ, но о подобномъ что-то давно не было слышно. Тратить по 80,000 руб. на образование одного священника столь залостушной епархіи, какова благовѣщская, и затѣмъ такого дорогого батюшку съавать сразу на погупнишскій бюджетъ, составленный изъ подаяній прихожанъ,—это ли не дьявольская проія судьба! Читатель понимаетъ, конечно, что на счетъ 700 тысячъ рублей, потраченныхъ на *девять священниковъ*, входятъ траты на дѣльвыя сотни, если не тысячи, семинаристовъ, не пожелаешьшъ ити въ священники. Вотъ ужасное явленіе, о которомъ навѣрно будутъ говорить въ истории русской культуры. На переходъ двухъ столѣтій—XIX и XX—религіозное въ Россіи пала до такой степени, что первымъ стало отходить отъ церкви само духовенство въ лицѣ молодежи этого сословія. Началось это съ первой нашей общественной революціи—въ пятидесятые годы прошлаго столѣтія, когда семинаристы типа Добролюбова и Чернышевскаго дѣлались вождями нашего радикальнаго интеллигентства. Около тысячи лѣтъ держалось православіе въ русскомъ народѣ, около тысячи лѣтъ маобразованное, но вѣрующее духовенство умѣло заражать своей вѣрой протодушный и темный народъ,—но что-то совершилось катастрофическое,—и это великое настрѣеніе начало стремительно отслабѣвать,—сначала у аристократовъ (высшеразныя и «фармазюмы»), затѣмъ у интеллигенціи, затѣмъ у духовенства, сдѣлавшагося стараниями самой власти интеллигентнымъ болѣе чѣмъ народнымъ. Наконецъ, когда начали разбредаться пастыри,—стало разбредаться и стадо.

Въ учебномъ комитетѣ при синодѣ собраны любознательныя цифры. Въ 1911 году окончилъ курсъ духовныхъ семинарій 2,148 человекъ. Изъ нихъ поступило на епархіальную службу 5741 Собразите, какое подающее большинство лицъ, *уже подготовленныхъ*, чтобы ити въ священники, не желаютъ служить престолу Божію. И это по всей Россіи: въ архангельской епархіи на духовную службу поступило изъ 18—6, т. е. всего треть. Въ астраханской изъ 13—2, владимірской изъ 75—4, вологодской изъ 44—6, вятской изъ 33—6, кружской изъ 10—1, казанской изъ 52—7, каужской изъ 61—8, литовской изъ 96—3, олонейской изъ 21—2, нѣвской изъ 29—3, погтавской изъ 60—7, рязанской изъ 64—7, самарской изъ 29—4, смоленской изъ 31—2, тверской изъ 98—11, тульской изъ 51—2, тифлиской изъ 14—1, и т. д. Стало быть, мѣстами не хочетъ служить не только третья часть подготовленныхъ въ этому, но даже пятая часть, даже десятая, даже двадцатая, *даже 30-я часть* (какъ, напр., въ литовской епархіи). Это уже пахнетъ оскорбительною для церкви и скандальною забастовкой той самой молодежи, которая получила плоть и кровь свою отъ священническаго сословія и которая самое образование свое приобрѣла на орехста церкви. Глубокою недобросовѣстностью—если не предательствомъ—отдѣляе эти манера современныхъ поколѣній: *взять все отъ церкви, болѣе десяти лѣтъ кушать церковный хлѣбъ,*

притворяться всю молодость, что готовятся въ священники, и какъ только курсъ окончатъ, т. е. какъ только получатъ дипломъ, даюшій возможность ити,—половинч дѣльными массами уходить изъ астоельскаго сословія, куда угодно: въ ветерары или административныя чиновники. Только немногихъ соблазняютъ учено-богословская карьера, архіерейская mitra или генеральство духовнаго профессора,—такіе чуть въ духовную академию. Мы собственно въ началѣ этого явленія, но уже почти половина священниковъ приходится брать изъ лицъ, не получившихъ семинарскаго образования. За пять лѣтъ (1906—1910 года) въ 63 епархіяхъ руколожено изъ получившихъ законченное богословское образование (изъ 10,853)—4,795, а 4,125—не бывшихъ въ семинаріи. Мѣстами эта пропорція становится чудовищной! Въ уфимской епархіи, напримеръ, изъ 131 посвященныхъ въ священники только 34 изъ окончившихъ семинарію и 74 не обучавшихся въ ней. А въ 1910 году изъ 24 руоложенныхъ священниковъ только одинъ окончилъ семинарію. Въ другихъ епархіяхъ въ той или другой степени замѣчается то же явленіе. Если около полковны священниковъ прошло семинарскій курсъ, то это считается уже за рѣдкое счастье.

Что еще отратительнаго, — даже изъ поступившихъ въ священники очень мало людей религіозныхъ. Студенты московской духовной академіи педанно сдѣлали анкету среди семинаристовъ, и, между прочимъ, задали такой вопросъ: «Много ли известно вамъ лицъ, окончившихъ семинарію, принимающихъ санъ священства по искреннему убѣжденію?» Отвѣтъ печаленъ (въ «Духовній Школьникъ») однихъ только тобольскихъ семинаристовъ: «Принимавшихъ санъ священства по искреннему убѣжденію изъ окончившихъ нашу семинарію мы ни одного не знаемъ. Какой ужас! Значитъ, кромѣ открыто невѣрующихъ и не желающихъ притворяться, среди притворившихся въ священники есть *очень много* (ибо что же значить фраза—искреннихъ никого не знаемъ?) душныхъ «прибытковъ ради», т. е. астоельско-Искариотовъ, которые съ каждаымъ подвѣваемъ Ангелія предають Христа. Вѣсть извѣстно, что разложение духовной школы разрѣшилось, наконецъ, бутувскимъ движениемъ, избіеніемъ семинаристами начальства, разгромомъ духовныхъ школъ, при чемъ не обходилось безъ кровавыхъ жертвъ. Общій лозунгомъ революціи семинаристовъ было освобожденіе ихъ отъ пастырства и разрѣшеніе поступать въ высшія свѣтскія учебныя заведенія. «Такое отрпцаніе пастырства и іерархіи—меланхолически замѣчаетъ г. В. Самуиловъ,—т. е. отрпцаніе самыхъ задачъ школы, тѣмъ лицами, которыя въ нихъ обучаются, рѣшительно невозможно ни въ какой профессиональной школѣ». Изъ всѣхъ спеціальныхъ школъ одна духовная вызвала къ себѣ со стороны ея воспитанниковъ не только равнодушіе, но презрительную ненависть, дошедшую до психоза. «Согласныя готовиться въ священники, но сохрани Богъ сдѣлаться священниками! Лучше въ почтовые чиновники или въ олодоточники!»

Мнѣ кажется, произошло любознательнѣе явленіе, которое не вѣсть еще ясно. Семинаристы, возмативъ на духовную школу, сумѣли заразить отрицаніемъ ея и взрослое духовенство и іерархію. Семинарию осудили кромѣ семинаристовъ за прощныя относително ея епархіальные архіереи, духовные профессора, сѣлды и совѣщанія епархіальнаго духовенства, наконецъ, 57 семинарскихъ правлений и 4 духовныхъ академіи. Общимъ хоромъ осудили духовную школу и члены преосборнаго присутствія. Наконецъ, та же злобастая школа осудила духовную и свѣтскую печать, «не только наше отечественно, но и иностранно».

Вотъ, скажете, котяте, вѣчная история реформъ въ безгалавной странѣ. Позвольте, хочется кричать въ отвѣтъ на гримъ осужденія,—но еси наша духовная школа, созданная въ 1884 году, такъ безнадежно и безобразно плоха, то какъ же

это случилось, что вы — архiereи, богословы, профессора, епархiальные духовство и пр. и пр. в течение четверти вѣка променялись предъ гениемъ Константина Петровича? Какъ же это случилось, что вы курями или эмлями казидальныи и способствовали дѣланью вида, что православная церковь и ея колыбель—духовная школа—благоденствуютъ и процвѣтаютъ? И не говорю объ умномъ профессорѣ Побѣдоносцевѣ,—я говорю о плохомъ оберъ-прокурорѣ Побѣдоносцевѣ, при которомъ развалъ церкви и духовной школы дошелъ до анархiи. Мыъ уже приходилось писать, чѣмъ плохо бытъ Побѣдоносцевъ и почему плохо: боровать да моча юостей, отъ видѣть крахъ своего вѣдства, отъ чувствовать, что бумаженными предписанiями ничего не сдѣлаешь, и все же шельфъ рутинной дорожкой всѣхъ бездарныхъ администраторовъ: подкрещивалъ трещины зданiя официальной лажью и сводилъ отъ части къ благополучнымъ потокамъ. Когда крахъ, наконецъ, грянулъ, Побѣдоносцевъ вышелъ подъ предлогомъ старости въ отставку и подъ тѣмъ же уважительнымъ предлогомъ умеръ. Съ того, какъ съ свѣтскаго чиновника, взятъ гладыи, но какъ случилось, что издавна готовившiйся развалъ духовной школы преградилъ наши метрополити и архиепископы. Въдъ ныне изъ нихъ были значительныи (Филаретъ московскiй, Шимонскiй, Никаноръ и др.). Въ свое время они разсматривали устанави духовной школы и утверждали ихъ, т.-е. обявляли не плохими, а превосходящими. Какъ же вышло, что наилучшее 50 лѣтъ назадъ теперь общими хоромъ каемится какъ пахучее? Я думаю, что какъ древне негородни «такали, тѣкали, да и прѣтали» Великий Новгородъ, такъ и наши Иерархи: дѣлать лѣтъ (за рѣдкими исключенiями) поднимавъ свѣтскимъ чиновникамъ въ аванс оберъ-прокурора,—вадыки нами дѣйствительно прѣтали не дрябло духовную школу, но и плечо безконечно значительнаго—церковь.

Чѣмъ же кончилось такое осужденiе духовной школы? Тѣмъ, чѣмъ всегда у насъ кончается бюрократическая работа. Рѣшили, что необходимо похерить старое и завести новое. Сдѣлать такое рѣшенiе и явилась вводная теперь реформа. О проектахъ ея я писалъ въ дѣломъ рядѣ статей и остался при очень твердомъ убѣжденiи: *ничего изъ реформы не выйдетъ.* Ничего хорошаго для церкви, а, напротивъ,—начавшiйся развалъ духовнаго сословiя пойдетъ только усиленнымъ темпомъ.

Что теперешняя духовная школа отвратительна (до того, что «лучше бы срыть ее до основанiя», какъ выразился одинъ пресвященный),—я ошаривать не буду, хотя думаю, что школа эта была не хуже ни старой, давнейшей удовлетворительныхъ священниковъ,—ни новой, теперь вводимой. Дѣло новое, сказать по правдѣ, не въ школѣ, а въ жизни, въ тѣхъ вѣнчанiяхъ, въ томъ мироощерецении, которымъ дышитъ школа. Это подобно воспротамашему атмосферному давленiю, отъ котораго нигда не убѣжишь. Когда общество было религиозно, и священники были религиозны, и ихъ дѣти и самая отвратительная изъ классовъ—бурса, ошаривая Помяловскихъ,—все-таки была религиозной. Ну, да: были невѣжественные и тѣшные наставники, пьяные и часто жестокие до зѣрства, были разгузданные и развратные нравы, была чудовищная по нынѣшнимъ понятiямъ бѣдность, но въ главномъ и основномъ старая семинарiя была великой школой, ибо была школой религиозной. Въ Бога-то всѣмъ являлись и старые и малые, и почти всѣ горито молились. Это все равно какъ старинные кадетские корпуса: они были уязвы во многихъ отношенiяхъ, но въ основномъ они были великой военной школой, ибо были воинственной школой. Въотъ, отъ кагды до генералъ-фельдмаршала, вѣрвались въ войну, воскищались ей; любили ее, променялись предъ ней, — а къ этому чудотворному чувству почти все равно, какихъ бы наукъ ни подѣлывали, и даже полное общеобразовательное

невѣжество не препятствовало иногда выдвигаться чуднымъ гераламъ.

Конечно, для нынѣшняго батюшки-нигилиста его поповская доля кажется жалкой и презрѣнной, и въ самомъ дѣлѣ, презрѣшиа и жалости заслушавшее священничество, преращениое въ актерство. Можно отрпцать великое существо Божiе (если у васъ нѣтъ органовъ познания Его), но играть у алтара, какъ на подмосткахъ, комедiю вѣры—это безнаказанно не проходить. «Вотъ поругаетъ не бытаешь!»—и въ сердцѣ батюшки-нигилиста всю жизнь копошится червь зависти и гды раскаяния: захѣтъ онъ повостать съ себя постылому и въ глубинѣ его—безвестному дѣлу. Всегда отравленный своею совѣстью, такой батюшка-нигилистъ непрерывно отравляетъ и свою паству. Онъ ее презираетъ и невадитъ, онъ обидраетъ ее, какъ ростовщикъ и хищникъ, и паства, видя волка въ овечьей шкурѣ, естественно относится къ нему, какъ къ извергу. Вместо чудныхъ, прелестныхъ, евангельскихъ отношенiй отца къ духовнымъ дѣтямъ, вѣсто взаимной родственной любви, общихъ радостей и печалей, устанавливаются отношенiя ужасныа, раскрываемыа епархiальными и мѣстными судами. Воплотъ понятие, что получение хлеба и жалкаго деревенскаго гонорара за требы неваризамо оскорблаетъ и тяготитъ батюшку-нигилиста. Онъ готовъ скорѣе проклясть символей, чѣмъ направлятъ ихъ на свои боты въ невыносимый путь. Старые благочестивые батюшки не находили однако ничего удивительнаго въ томъ, что духовная дѣтя давали имъ провинiю и кое-какия деньги. Во-первыхъ, это пошло со времемъ апостольскихъ и даже отъ Самого Христа, штавивагося поданiемъ (Гуда былъ единственнымъ чиновникомъ, именно казначеемъ апостольской общины),—во-вторыхъ, что же тутъ зарнонаго любимому отцу принять что-нибудь отъ любившихъ дѣтей? Видъ онъ отдастъ же шельфъ даромъ свое сердце, свое религиозное вдохновенiе, чистилейное и священное, онъ же воплотъ ошутимо поднимаетъ духъ ихъ и облагораживаетъ счастье. Благочестивому священнику нигда не приходилось унашкать, клянчить, вѣдять за сборами: любаше прихожане сами привозили и зерно, и мучу, и овощи, и живность, и все, чѣмъ богата хорошо устроена деревня. Батюшки все это принимали благосклонно и были всегда богаче своихъ прихожанъ. Наконецъ, нельзя забывать, что глубокая бѣдность сводится религиозн, какъ и стоическая философiя, къ нулю. Ничего не имѣть лишняго, не заботиться о завтрашнемъ днѣ,—вѣдъ это идеалъ религиозный столько же, сколько философскiй. Обрабатывая, какъ и прихожане, свой клочокъ земли, священники не чувствовали ни унаженiя, ни острой нужды и искренно желали всякой попечивчей вынести въ пошы же. Поэтому они съ младенчества и вели ихъ въ эту му.

Говорю съ младенчествомъ, ибо еще грудными дѣтями будише батюшки прислушивались къ первому пѣснопѣвию въ церкви и дома. Едва научившись различать человѣческое слово, въ числѣ первыхъ словъ малыята слышали безпрестанно повторяемое имя Божiе, Богородицы и святыхъ. Первою поэзiей ихъ была поэзiя церковной службы (воскищительная, когда священникъ религиозенъ). Первымъ сказанiями были библiяскiя и евангельскiя. Съ семи летъ восьми лѣтъ мальчикъ-поповчикъ уже помогать отцу въ церкви, уже подавалъ кадильо, ходилъ со свѣчей, подливалъ дичаку и совершенно безотчетно заучивалъ весь ходъ богослуженiя и строю его. Все, что въ дѣтствѣ поражаетъ дѣтвое воображенiе, западаетъ въ память неизгладимо, заучивается наизусть. Старинный поповчикъ, поступа въ бурсу, уже знаетъ все главное, что требуется отъ священника: и порядкъ службы, и текстъ молитвословiей, и называи ихъ. Да, сверсть всего этого знания, онъ приноситъ къ своему неизгладному драгоцѣнностямъ: вѣру, т.-е. уваженiе ко всему религиозному до восторга, и любовь, творящую чудеса. Съ нѣкоторою натажкой (т.-е. съ поправ-

тами на детство, неспособность и испорченность) можно допустить, что поповичи поступали въ духовную школу уже готовыми полами: имъ недоставало только того, что и окончившимъ семинаристамъ, т. е. практикн, жизненнаго опыта и той мудрости, что даетъ только опытъ. Звѣмъ же въ такомъ случаѣ, спросите вы, въ старину отъавали дѣтей въ семинары? А Богъ знаетъ зачѣмъ. Отдавали, конечно, зачѣмъ, чтобы научить и усовершенствовать, но въ действительности въ хорошемъ вынесеному изъ духовной семьи, духовная школа прибавляла или совсѣмъ лишнее, или совсѣмъ дурное.

Но что же будетъ дальше? Дальше, мнѣ кажется, придется закрывать храмы по отсутствію или священниковъ, или прихожанъ. Но если пустыющія казедры будутъ замышлять бѣды ужъ шлохигъ элементовъ, то кому же придетъ охота оставаться въ господствующей церкви? Православные уйдутъ въ старообрядчество, въ единобвріе, въ восточное католичество священника Зерцаннова, въ сектанство. Въ нынѣшнемъ нашемъ политическомъ стрѣбъ вѣра свобода и нѣкто не можетъ никому запретить вѣрить по-своему. Если наше общество и народъ еще не близки къ моральной смерти, если они нуждаются въ величии и красотѣ духа, даваемыхъ религіей, — то все религіозно-живое отшатнется отъ дурного пастирства и пойдетъ хорошо. Старообрядцы показали примѣръ того, что даже въ дурныя времена гонимый можно отстоять свою вѣру. Набоитѣ сабоуднише изъ православныхъ, недовольные переконною анархіей, давно уходять изъ церкви тайно, т. е. попросту переставъ посѣщать храмы и имѣть какое-нибудь дѣло съ священниками. Но это охватывается въ большинствѣ случаевъ полнымъ безвѣріемъ, ижезновеніемъ культа, т. е. духовной культуры, что ведетъ народъ въ нравственному одичанію. Спасая душу, т. е. желая ее очистить и возродить, какъ отродникъ огорода, — живая часть общества создаетъ каку-нибудь новую церковь, хотя бы въ видѣ общаго чтенія слова Божія и публичной проповѣди. Уже много миллионы протестовъ отпали отъ православія и создали для себя новую бѣтвизму. Изъ баттискихъ собраний я звезда выхожу оскорбленны въ прирожденномъ мѣ православіи, но не могу все-таки не согласиться, что лучше такая вѣра, чѣмъ волю никакую или чѣмъ жедия вѣры, итрамала многимъ «собообразовательнымъ» батонкамъ-ингилістами. Замечательнаго брата Чуркова я не видѣлъ, но описание его бѣствъ (г. Трегубовскъ) читалъ. При вѣкторой наивности самого проповѣдника и его паствы, — поразительна вѣра въ Евангеліе и у него и у нихъ, поразительна духовная настроенность, близкая къ чудесамъ. Впрочемъ, чудеса уже творятся тамъ и имѣются уже тысячи испѣвѣнныхъ (главнымъ образомъ отъ шпасты). Далекий отъ того, чтобы записаться въ чурковцы, я все-таки не могу не пожелать, что официальная церковь со священниками, завышнши невозможно по-французски и по-нѣмцки, — утратила эту способность собирать громадныя толпы народа, назидать ихъ, восхищать и испѣвать отъ грѣха.

Какъ прещень Бѣлокриницкій митрополитъ
Авраосіи

(изъ № 32 журн. «Церковь»).

Онъ недовѣрнѣтъ отнесень къ свидѣтельству Суханова о грѣкахъ и шлптъ предъ очью до начала никоновскихъ реформъ. О томъ, что грѣхи объявляются, Авросіи говорить въ своемъ отчетѣ только о первой своей побѣдѣ. Она была совершена, какъ мы увидимъ въ своемъ мѣствѣ, въ 1649—1650 гг., болѣе чѣмъ за полтора года до вступленія Николая

на патриаршій престолъ. Изъ Москвы Сухановъ выѣхалъ 10-го июня 1649 года, а возвратился 8-го декабря 1650 года. Въ первую побѣдку онъ, какъ это извѣстно нашимъ читателямъ, не добѣжалъ до Востока, куда былъ посланъ, а побывалъ только въ Молдавіи. Это обстоятельство имѣетъ для нашего вопроса серьезное значеніе. Не будучи лично до Востока, онъ, конечно, и не могъ писать о томъ, что онъ видѣлъ самъ у грековъ. И дѣйствительно, онъ шлщъ не говорить, ни въ «Статейномъ спискѣ», ни въ «Преніяхъ съ греками», что онъ видѣлъ, какъ крестить греки или какъ они совершаютъ службу. Въ «Статейномъ спискѣ» заключаются свидѣнія только о политическихъ дѣлахъ Россіи, а въ «Преніяхъ» излагаются лишь споры Суханова съ греками. Тутъ только го разсужденія и нѣтъ фактовъ, которые Авросіи наблюдалъ бы самъ лично. Привелъ бы онъ фактически данныя, ему, несомнѣнно, повѣрилъ бы на Москвѣ, и не потребовалась бы, можетъ-быть, вторая побѣдка его на Востоку. Но такъ какъ онъ привезъ только свои разглагологствованія, которыя онъ могъ бы изложить и въ Москвѣ, не совершая путешествія даже въ Молдавію, то московское правительство сочло нужнымъ снова отправить его въ дорогу съ условіемъ, чтобы онъ непремѣнно добѣжалъ до восточныхъ патриаршій, изсѣдывать тамъ лично, что ему поручается, и обо всемъ написать бы только фактическию правду, безъ своихъ вымысловъ и добывленій. 24-го февраля 1651 года Сухановъ отправился во второе путешествіе. При отъѣздѣ изъ Москвы, думнымъ дѣломъ посольскаго приказа Михаиломъ Волощенновымъ были сказаны Авросію отъ имени царя Алексѣя Михайловича слѣдующія наущественныя слова: «Чтобы онъ, будучи въ греческихъ странахъ, помня чадъ смертныхъ, несаль вѣреду безъ прикладу». «Можно думать, — замѣчаетъ проф. Вѣлокуровъ, — что это наставленіе Волощеннова Суханову о точнѣмъ исполненіи возложеннаго на него порученія имѣло отношеніе къ предшествующему его путешествію въ 1649—1650 гг. Ему напоминалось, чтобы онъ представлялъ полный и вѣрный отчетъ о видѣнномъ и слышанномъ, достоверное «описание святыхъ мѣствъ и греческихъ церковныхъ чиновъ и обрядовъ, безъ прикладу»; слѣдовательно, — заключаетъ Вѣлокуровъ, — его прежнимъ донесеніямъ и запискамъ московское правительство было не совсѣмъ довольно, паходя въ нихъ лишнее, «прикладу», т. е. его собственныя разсужденія («Авросіи Сухановъ», час. I, стр. 246). Если само русское правительство того времени, при намѣзъ благочестивѣйшемъ патриархѣ Іосифѣ, заодозрило въ достоверности донесенія и записки Суханова, то это даетъ намъ очень твердыя основанія также съ недоувѣрнѣтъ отнестись къ этимъ запискамъ Авросіи и провѣрять ихъ съ тѣмъ уже фонтическимъ матеріаломъ, который Авросіи добылъ во вторую свою побѣдку и представилъ его московскому правительству уже «безъ прикладу», безъ собственныхъ своихъ измыслиній и разсужденій. Если окажется, что онъ во вторую побѣдку собралъ такіе факты, которые подтвердили его прежнія утверждения, что греки объявляютъ, — въ этихъ утверждѣніяхъ, главнымъ образомъ и заключаются его «Пренія съ греками», то тогда придется признать, что онъ писалъ о нихъ и въ первый разъ «безъ прикладу». Если же, наоборотъ, окажется, что во второе путешествіе онъ не могъ собрать никакихъ матеріаловъ, подтверждающихъ его прежнія разсужденія о грѣкахъ, то очевидно, что эти разсужденія были собственными его «прикладомъ», т. е. дичными его измыслинями, которыя вѣрить нельзя, разъ они ничѣмъ не подтверждаются. Во вторую побѣдку прибавился Суханову лишняя выдача: онъ долженъ былъ не только «описать» греческіе церковные чины и обряды; но и оправдать собою предъ московскимъ правительствомъ въ своихъ прежнихъ донесеніяхъ о грѣкахъ. Легко понять, какъ дорого и какъ важно было Суханову; на

что бы то ни стало, собрать фактически, бесспорный материал, доказывающий, что греки действительно обливляют Суханова должны быть рады махбишй намере на то, что греки—обливанцы. Этих отъ очистился бы перед правительством отъ предаваемых ему подозритель по поводу первой его поѣздки и отстоял бы предъ своею правоту и честности. Это было весьма важно для Арсенія Суханова. И онъ дѣйствительно постарался до крайней степени усердія собрать богатый фактически матеріалъ о грекахъ. Онъ насколько не пощадилъ ихъ, былъ внимательнѣе къ нимъ даже до чрезвычайныхъ мелочей: описалъ не только церковный ихъ порядокъ, обычаи, поведеніе, но и ихъ семейный бытъ, частную жизнь, житейска отношенія, платья, обуви, одежду и проч. и проч., включительно до сорочекъ и застежекъ. Онъ заглядывалъ даже и за сорочки. Больше двухъ лѣтъ пробылъ Сухановъ на Востоку въ этотъ разъ. Время это больше чѣмъ достаточно, чтобы изучить грековъ и высмотрѣть всю ихъ жизнь во всѣхъ подробностяхъ. Разумеется, за это время была возможность Арсенію тысячу разъ наблюдать, какъ совершается у грековъ таинство крещенія. Въ одномъ Иерусалимѣ онъ пробылъ больше полугода. Все это время Сухановъ,—говоритъ о немъ проф. С. Вѣлюковъ,—«повсюду исполненіе возложено на него порученія—описанію св. мѣстъ и наблюдению за совершеніемъ богослуженія греками. Все, что онъ видѣлъ и слышалъ, все свои разговоры онъ записывалъ и эти его записки и составляють главную и большую часть «Проскритарія». О томъ, что Арсеній не только наблюдаетъ за греками, но и все видѣнное и слышанное записываетъ, хорошо было известно въ Иерусалимѣ и къ нему за это отъношеніе не съѣхали дружелюбно. «Арсеній сидитъ въ кельѣ,—говорилъ одинъ грекъ послѣ 3—4-лѣтняго пребыванія Суханова въ Иерусалимѣ,—все пишетъ ире насъ чернивою, и ту де книгу хочетъ даро подарить, добро бы де патриархъ тѣ его книги взялъ да сожечь». Патриархъ Паисій сталъ даже строго относиться къ дѣйствіямъ и своимъ старцевъ, когда услышалъ, что «Арсеній все пишетъ, что они ни дѣють». Такъ, онъ пересталъ интересоваться въ лютые дни сахаръ, а чернецамъ своимъ приказалъ (9-го ноября) всѣмъ приходиться въ церковь и въ трапезу въ клобукахъ, «пожеже стыдно ему стало, что Арсеній и Юна Маленькіи всегда ходятъ въ клобукахъ». Что новыя приказанія патриарха Паисія, вызванныя новѣдѣніемъ Суханова, были,—продолжаетъ Вѣлюковъ,—не особенно приятны грекамъ, видно изъ того, какое впечатленіе произвело на нихъ сейчасъ указанное распоряженіе патриарха. Оно въ тотъ же день было исполнено, и за столомъ и въ церкви въ вечери всѣ и старыя и молодые старцы были въ клобукахъ, и «всѣ межъ себя смѣются, что де обмыли тому, а мыне и роптали на Арсенія: отъ тебѣ де насъ то, мы де прежде сего и не знали того». Въ наблюденіяхъ за греками, Сухановъ не разъ оказывалъ помощь и Юна Маленькіи, какъ видно изъ отбитой въ «Проскритаріи» («Арсеній Сухановъ», час. I, стр. 275—276). Арсеній съ необыкновеннымъ усердіемъ выполнялъ возложенное на него порученіе и насколько не старался недружелюбныхъ отношеній къ нему грековъ. Въ свой дневникъ онъ, въписываетъ всѣ замѣчаемыя имъ упакенія ихъ отъ уставовъ и преданій древней Церкви. Вотъ, например, какъ онъ описываетъ литургію на первый день Пасхи въ Иерусалимѣ: за службой мало было народа; народъ продолжаетъ давать другъ друга, тѣшиться и угнетать; слышан самыя бабы въ алтарѣ во всѣ двери и причащаются въ алтарѣ». Микроплатъ приказалъ, прижавшись къ деревниному; «са ли не знаешь, кому дѣють поповъ; давася онъ или нѣтъ, «вѣрой или поѣвѣрой», крестить или не крестить; срѣтуть или православный, такъ какъ сода «приходятъ—замѣчаютъ» Сухановъ,—изъ и разныхъ дальнихъ мѣстъ и деревень живущіе мѣстѣ съ турками или у ду-

рокъ и не имѣющіе своихъ поповъ и церквей, иные даже «въ за-Иорданскихъ пустыняхъ» (тамъ же, стр. 291—292). А вотъ другой примѣръ, какъ Арсеній описываетъ грековъ. 26-го июня онъ прѣхалъ на островъ Хиосъ (Хіо). Здѣсь, между прочимъ, поразила его одежда грековъ, которыхъ нельзя было отличить отъ франковъ, равно какъ и женъ ихъ отъ франкскихъ женъ: «носить греки,—пишетъ онъ въ «Проскритаріи»,—платье мало не все франское, черное и кашемиръ, и пшеница, и плащи, и сапоги, и ожерелья платна блага, а нѣтъ и въ перьяхъ ходить за одно съ франками, въ церкви стоятъ въ чалмахъ и въ шляхахъ, жены грецкия рубашки не застегиватъ, груди въ голы, все шея и груди до сисей все наго и держатъ чисто гораздо, якобы для прелестей. «Свое» вниманіе Сухановъ,—замѣчаетъ Вѣлюковъ,—обратить и на монастыри и на церкви, находившіяся на островѣ. О церкви Успенія Богородицы онъ замѣчаетъ, что въ алтарѣ ея православный престолъ, по обыкновенію престо-католической церкви, прѣдлѣжитъ въ стѣнѣ, а другой престолъ франкскій находится предъ мѣстными иконами противъ праваго клироса. Служба въ ней совершалась только по субботахъ и воскресеньямъ, попеременно то франкскимъ, то греческимъ попомъ. Арсеній описываетъ также отбѣденіе духовенства какъ чернаго, такъ ии благаго. Попы и диаконы, по его словамъ, носятъ сюртукъ, «свазачи хвостъ широкъ и долготъ, якобы у женщинъ у скоты, и сверху того голова ополасна шлаткомъ бѣлымъ, якобы вънѣчь у двоекъ, на ногахъ носятъ «башмаки и чулки итѣсныя, вазане, шелковыя». Объ игуменѣ находившагося здѣсь монастыря онъ дѣлаетъ, между прочимъ, замѣчаніе, что онъ столько все обидно съ похосомъ двоерукій» (тамъ же, стр. 258—259). Изъ наблюденій и описаній Арсенія видно, что онъ не намѣренъ былъ скрывать о прѣлахъ что-либо непріятное имъ. Подобнымъ описаніямъ переполнены его «Проскритаріи»; представленны имъ русскому правительству и самому патриарху Николу, имѣвшему русскую церковь въ уду грекамъ. Профессоръ Вѣлюковъ, прерисно изучившій все сочиненія Арсенія Суханова, свидѣтельствуетъ, что Сухановъ на этотъ разъ добросовѣстно и честно выполнялъ возложенное на него порученіе. Онъ подробно описываетъ совершеніе греками различныхъ церковныхъ службъ, послѣдовательно, шагъ за шагомъ излагаетъ порядокъ у нихъ богослуженія, при чемъ старается отбѣтить какъ всѣ возгласы и пѣсноупенія священно-и церковно-служителей, такъ и всѣ ихъ дѣйствія; говоритъ не только о совершеніи службъ священникомъ или иеромонахомъ, но и объ ихъ совершеніи патриархомъ или въ его присутствіи, и указываетъ различіе совершенія въ томъ и другомъ случаѣ. Главныи источникъ свѣдѣній Арсенія объ этомъ (греческомъ богослуженіи)—тотъ же, что и выше, т. е. его собственныя наблюденія; иногда по нѣкоторымъ вопросамъ онъ обращался за разрѣшеніемъ къ патриарху Паисію, например, о томъ: по раздробленіи Атіны, какую часть его класъ въ потиръ и которое причащаются священнослужителямъ. При своихъ наблюденіяхъ за совершеніемъ богослуженія греками онъ встрѣчалъ нѣ малую разницу въ сравненіи съ совершеніемъ его русскими; но онъ отъносился въ ней совершенно объективно; нигдѣ онъ не старается доказать неправоту того или другого дѣйствія грековъ, онъ довольствуется только замѣчаніемъ, что того или другого нетъ («не поютъ», то или другое не дѣлаетъ, «не имѣюе у насъ», не говоритъ ничего даже по поводу того, что греки болѣе частью «стрѣубишь» и иногда только «сугубишь» алаудіи. При наблюденіяхъ за греческимъ чиномъ богослуженія Арсеній пользовался нѣкихъ замѣчаніемъ, особенно отбѣдая тѣ случаи, когда онъ замѣчалъ различіе въ совершеніи богослуженія сравнительно съ нами: не «дѣють то же дѣють греки, токмо пивано у нихъ»,—прибавлялъ онъ при этомъ въ свѣдѣніи замѣткахъ («Арсеній Сухановъ», час. I, стр. 312—313).

«Таким образом, — дѣлаетъ заключеніе Суханова, — нужно признать, что и въ послѣдствіи Суханова на Востоке — описаніе греческихъ церковныхъ чиновъ исполнена имъ изданныхъ способомъ» (стр. 314).

Само собой понятно, что онъ въ этомъ описаніи не могъ пройти молчаніемъ вопроса о крещеніи, совершаемомъ у грековъ, чѣмъ болѣе, что этимъ вопрою онъ интересовался въ Москвѣ, и самъ Арсеній былъ заинтересованъ имъ въ ослѣдней степеніи, что видно изъ его «Преній съ греками». Въ не меньшей степеніи и насъ интересуетъ вопросъ: какия же свѣдѣнія привезъ Сухановъ о греческомъ крещеніи, когда лично, непосредственно и такъ старательно онъ изслѣдовалъ богослуженіе грековъ на Востоке? Подтвердилъ ли онъ хотя чѣмъ-либо прежнее свое утвержденіе, что греки въ крещеніи обливаетъ? Въдѣ ему нужно же было, чего бы это ни стоило, доказать фактами свое прежнее утвержденіе. Собралъ ли онъ ихъ?

Богѣ чѣмъ чрезъ полгода послѣ своего выѣзда изъ Москвы, побывавъ уже въ Константинополѣ, Александріи, на островѣ Хіосъ, во многихъ греческихъ монастыряхъ и въ другихъ мѣстахъ, присмотрѣвшись и въ явизнѣ грековъ, и изучивъ ихъ богослуженіе и чинослѣдованія, Арсеній уже послѣ всего этого велъ продолжительную бесѣду съ александрійскимъ патриархомъ Іоанніемъ, котораго и описалъ въ своемъ «Проксинтаріи». Онъ обратился къ патриарху съ дѣльными рядомъ вопросовъ. «Вѣ чистѣ ихъ встрѣчаемъ, — говоритъ Блюковуръ, — и нѣкоторые изъ тѣхъ, которые воровъ стали на Руси предметомъ горячаго обсужденія. Двадцать первый вопросъ Арсенія касался крещенія чрезъ обливаніе или покршеніе» (стр. 271—272). Сухановъ предложилъ Іоаннію слѣдующій вопросъ: «Вѣгда здѣ куемъ не случится въ церкви или въ дому, можно-ль крестить обливаніемъ или и покршеніемъ, если будетъ нѣпомощъ, болѣзъ или и младенцъ, а помнятъ къ погруженію нельзя?» Одно ужъ содержаніе вопроса показываетъ, что Арсенію послѣ его личныхъ наблюденій надъ греками пришлось отказаться отъ прежнихъ своихъ общеній грековъ въ обливаніи. Ибо «Преній» мы знаемъ, что онъ обвинялъ грековъ въ поговозномъ обливаніи. Тогда онъ и не ставилъ даже вопроса о крещеніи болыныхъ младенцевъ или такихъ нѣпомощцевъ, которыхъ «поднять къ погруженію нельзя». Разъ евъ обливается, такъ что тутъ ужъ о болыныхъ спрашивать. Нельзя же было представить себѣ, что у грековъ только здоровыхъ обливаетъ, а болыныхъ, которыхъ въ погруженію нельзя поднять, кержетъ-быть погружать. Теперь же, когда Арсеній убѣдился лично, что у грековъ всѣхъ здоровыхъ непременно погружаютъ, онъ уже спрашиваетъ только о болыныхъ, да о такихъ случаяхъ крещенія, когда не въ чистѣ погружать. Вопросъ этотъ былъ бы весьма бесмысленнымъ, если бы у грековъ всѣхъ обливали. У безпороднаго человека не спрашиваютъ: на какую ты ногу хромашь? Нельзя и у того спросить: почему ты во фракѣ, а не въ сюртукѣ? Если евъ обливается, то что за необходимость — спрашивать о болыныхъ. Изъ вопроса Арсенія ясно, что греки въ его время крестили трехпугржательное, а не обливательное. Было бы болѣе примудра у Суханова, онъ прямо заявилъ бы, что прежня его утвержденія о греческомъ крещеніи ложны. Но онъ, какъ видно, отрадалъ болынымъ самолюбіемъ, постыдился открыто раскаться въ своихъ прежнихъ «прикладахъ», за которые не похваляли его въ Москвѣ.

Мы однако должны быть ему благодарны и за тѣ немногія свѣдѣнія о крещеніи грековъ, которыя онъ включилъ въ свой «Проксинтарій». И они въ достаточной степеніи свѣдѣтельны, что Арсеній за все время своего пребыванія на Востоке ни разу не видѣлъ тамъ обливательнаго крещенія. Онъ, несомнѣнно, былъ пораженъ, увидѣвъ въ греческой церкви

правильное трехпугржательное крещеніе. Онъ пытался уже узнать, хотя бы изъ разговоръ и расширсовъ: а какъ поступаютъ греки съ болыными младенцами и не просто болыными, такъхъ они погружатъ, а съ необыкновенными болыными, которыхъ даже «поднять нельзя». Какъ же, въ самомъ дѣлѣ, ихъ погружатъ? Патриархъ Іоанніи отъвѣчалъ: «Мощно и въ домъ крестить и безъ купели, аше въ церковь немощно вынести» («Проксинтарій», стр. 54, изд. 1870 года, Казань; у Блюковура, час. I, стр. 272). Не менѣе знаменательнъ, чѣмъ вопросъ Суханова, и этотъ отъвѣтъ на него патриарха. Какая огромная разница между этимъ отъвѣтомъ и тѣми заявленіями чернаго пона Іоасафа, которыя будто бы онъ дѣлалъ Арсенію, какъ онъ описанъ въ «Преніяхъ» Суханова съ греками. Теперь для насъ очевидно, что Іоасафъ не могъ сказать о грекахъ, что они «всѣ обливается» и что у нихъ «то погруженіемъ именуется, егда на крещаемого илтъ воду». Все это — «приклады» самого Суханова, за который ему пришлось краснѣть въ Москвѣ. Патриархъ Іоанніи отъвѣтилъ такъ, какъ раньше его за 250 лѣтъ отъвѣтилъ Константинопольскій соборъ на вопросъ русскаго митрополита Феофоста: «Всѣмъ обращаются татары и хотятъ креститься, а не будетъ болыного сосуда, не встрѣтятся ни рѣчки, ни озера, гдѣ бы можно было погружитъ, — какъ поступити?» Соборъ отъвѣтилъ: «Плуть обливаетъ его трижды» («Исторія русской церкви», архіепископа Филарета, періодъ II, стр. 87, изд. 5-е).

При всемъ своемъ стараніи дать о грекахъ и ихъ чинослѣдованіи, богослуженіи, обычаяхъ самыя подробнѣйшія свѣдѣнія, — относительно крещенія ихъ Сухановъ ограничился только бесѣдой съ патриархомъ Іоанніемъ. Не правда ли — это очень худо, особенно послѣ того, какъ Арсеній описалъ немощные греками: и калепони, и пловары, и планы, и одерелье, и сапоги, и скуфы, похожая на сорочи хвосты? Куда дѣвался прежній его пылъ, который онъ такъ ярко проявилъ въ своихъ общеніяхъ грековъ въ «Преніяхъ» съ ними? Писамотриго внимательно весь «Проксинтарій», въ немъ вы ни одного намеча не найдете, что у грековъ допущено обливаніе. Какъ ни хотѣлось Суханову изобличить ихъ въ этой напской ереси, по за два года, проведенныхъ имъ въ ихъ средѣ, онъ не могъ видѣть у нихъ ни одного случая обливательнаго крещенія. Иначе онъ внесъ бы его въ свой «Проксинтарій» съ болышимъ удовольствіемъ, какъ заноситъ въ него и менѣе существенныя проступки грековъ. Второе путешествіе Арсенія Суханова на Востокъ — самымъ убѣдительнымъ образомъ доказываетъ, что у грековъ и въ то время не допускалось обливательное крещеніе, какъ оно допускается въ русской государственной церкви со времени Петра Великаго. Прекрасною отпѣку бесѣды Суханова съ патриархомъ Іоанніемъ даетъ профессоръ С. Блюковуръ. «Сухановъ во время этой бесѣды, несмотря на то, что она касалась и нѣкоторыхъ глупыхъ вопросовъ, держалъ себя совершенно хладнокровно. Нельзя не отнѣтъ той слишкомъ болыной разницы, которую мы замѣчаемъ между поведеніемъ его теперь, въ бесѣдѣ съ александрійскимъ патриархомъ, и нѣскольکو времени тому назадъ, во время преній его съ греками о вѣрѣ. Здѣсь онъ является совершенно пасивнымъ собесѣдникомъ, все его участіе въ бесѣдѣ ограничивается только предложеніемъ дай рѣшенія патриарху Іоаннію вопросу, и думая-трема совершенно спокойными замѣчаніями по поводу нѣкоторыхъ отъвѣтовъ собесѣдника. Эта развѣнка особенно рельефно выступаетъ при обсужденіи вопроса о крещеніи не чрезъ погруженіе, а чрезъ обливаніе или покршеніе. Въ преніяхъ онъ высказываетъ это обстоятельство, какъ наглядное доказательство того, что греки имъ неправославны, отсутствіи, не соблюдаютъ апостольскихъ правилъ, нарушаютъ ихъ и пр., на головы сыпалось тамъ различныя укоризны за это, она другой силнѣе. Те-

перъ же, когда патриархъ Іоанншій, отвѣчая на вопросъ Арсенія, признаетъ крещеніе, *совершенно по нуждѣ* но чрезъ троекратное погруженіе, а чрезъ обиланіе или окропленіе, правымъ и отрицаѣтъ нужду повторенія крещенія надъ крещеными этимъ способомъ, отъ (Арсеній) не только не произносить какой-либо обличительной рѣчи противъ грековъ, какъ можно было бы ожидать, судя по его поведенію въ Валахъ во время преній о вѣрѣ, но и не старается опровергнуть патриарха Іоанншкіа, ни слова не говоритъ противъ его отвѣта, а, выслушавъ послѣдній, задаетъ патриарху другой вопросъ. Никѣмъ не дѣлаетъ онъ намекновъ на то, чѣмъ обусловлена была такая рѣзкая перемена въ его поведеніи. Мы думаемъ, — заключаетъ Вязокуровъ, — что она есть прямое слѣдствіе того правоченія, которое прочелъ Суханову думный дякъ Володеинъ, при отправленіи его въ Іерусалимъ, чтобы онъ писалъ «правду безъ приклада» и безъ своихъ собственныхъ разсужденій» (час. I, стр. 273—274).

Нельзя допустить, что въ вопросѣ о крещеніи Сухановъ нарочно издалъ грековъ. Въ другихъ вопросахъ онъ ничуть не издалъ ихъ. Онъ и теперь, какъ и раньше, представляетъ ихъ совершенно чистую православна, во многомъ отступивши отъ древнихъ заветовъ и преданій Церкви, сближавшіяся съ еретиками и обуславливавшіяся. Въ своихъ дошедшихъ русскому царю онъ не стѣснялся писать даже о догматахъ очень неприятныхъ для нихъ вещей. Патриархъ Пасій жаловался царю Маріа Ільиничу на злоязычія Арсенія. Въ мѣзъ 1652 года, посланная въ Москву своими послами — архимандрита Іосафа и келара Филоеа, патриархъ Пасій, въ грехѣхъ своихъ къ царю Маріа Ільиничу, проситъ благословеніа принять ихъ и не думать царскихъ милостей, еще слѣдуетъ имъ язычникамъ людямъ, которые стремятся злоязычить и клеветать, только чтобы получить достучи къ великому вашему царствю, и особенно Арсеній, о которомъ одинъ Богъ знаетъ, какъ мы не знаемъ, и который однако же оказался неблагодарнымъ Іудею, не признающимъ великаго благодѣянія, которое мы ему оказали и все то, что мы для него сдѣлали. Мы слышали нѣкоторыхъ пустыхъ словъ, которые онъ говорилъ противъ меня, и онъ дѣлалъ въ Іерусалимѣ) отрицаѣтъ ихъ съ клятвою, клятвопреступникъ; однако же святой митрополитъ назаретскій удостоивъ насъ, что онъ, Арсеній, отговорилъ ихъ. Но мы радуемся и тогда клеветать на насъ, потому что весьма многие святые неправедно и безпріичинно оклеветаны. Объ одномъ только, царца мол, мы нечаялись и огорчили, что онъ обманулъ справедливѣшаго царя, и обманыва царя, обманулъ Бога, намѣстникъ котораго на землѣ есть онъ (царь). И ше убоялся онъ, несчастный, чтобы земля не разверзлась и не поглотила его, какъ Дафана и Авирона. Но Божественное правосудіе отомститъ какъ ему, такъ и всякому другому злому; какъ солнце не можетъ спрячься, хотя его лучи обманули и закрываются на нѣкоторое время, такъ и правда обнаруживается и дѣлается извѣстной со временемъ» («Арсеній Сухановъ», час. I, стр. 239—240). Намъ не за чѣмъ ни оправдывать Пасія отъ какой-то страшной клеветы на него Арсенія, ни защищать послѣднато отъ этихъ обвиненій на него Пасія. Мы лишь удостоиваемъ этой жалобой Пасія, что Арсеній въ своихъ доносеніяхъ въ Москву нисколько не повториваетъ грехамъ. Если онъ о самомъ даже патриархѣ, лично извѣстномъ русскому царю, не постѣснялся писать такихъ свѣдѣній, за которыа Пасій величаетъ его «неблагодарнымъ Іудею», то, разумеется, онъ ни за что не осмѣлѣлъ бы отъ русскихъ, что греки обманули, если бы на самомъ дѣлѣ видѣлъ въ нихъ обвиненіе. Это еще разъ подтверждаетъ, что Арсеній Сухановъ вторымъ своимъ путешествіемъ къ Востоку самымъ основательнымъ образомъ опровергъ прежнія свои утвержденія о грекахъ, что они обманули. Что же касается другихъ его утвержденій о гре-

кахъ, что они потеряли православіе, что у нихъ много уставовъ и обычаевъ первоныя развалились, что они смѣшались съ еретиками, и т. п., то все это было, напротивъ, подтверждено и второй его поѣздкой.

В. Мельниковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ГЛАВА XII.

Послѣдніе дни Варды.

Варда имѣлъ два обширныхъ двора. Въ его распоряженіи были большой триклинумъ Матваря, на восточной сторонѣ Августеана, неподалеку отъ сената (тамъ находилась теперь основанная Вардой высшая школа) и дворецъ Герія на азиатскомъ берегу Босфора, рагѣ принадлежавшій Феодору. Но правитель не жилъ ни въ томъ, ни въ другомъ. Желая всегда быть около базилева, нуждавшегося въ постоянномъ надзорѣ, онъ давно поселился въ верхнихъ залахъ дворца Дафны. Это было одно изъ наиболее роскошныхъ поѣзднѣй императорской резиденціи. Здѣсь находилась три знаменитыя залы: триклинумъ Августосъ, «восьмиугольная» и «контонъ Дафны». Съ широкими террасъ открывался видъ на сады и на море. Тайныя галереи соединяли палаты съ ипподромомъ и главными частями священнаго дворца.

Варда въ послѣдніе два года сильно постарѣлъ, «ослабѣ», какъ говорилъ о себѣ онъ самъ; онъ печалъ за имперію ромеевъ. Это было несомнѣннымъ государственный человѣкъ, по-своему дѣйствительно любившій Византію, ея славу и ея благосостояніе. Образованный и даже ученый человѣкъ, онъ любилъ просвѣщеніе и много сдѣлалъ для него, организуя школы и академіи, поддерживая литературу и искусство. Несмотря на опустошенную Михаиломъ казну, онъ сумѣлъ поддержать авторитетъ имперіи по отношенію къ варварамъ, благосклонность и вѣрность которыхъ доселѣ всегда поучалась золотомъ. Но какъ государственный человекъ, онъ хорошо понималъ положеніе имперіи, и это на концѣ дней его мучилъ.

Варда видѣлъ себя: ради вѣстои онъ создалъ того Михаила, который теперь позорилъ имперію; видѣлъ въ неосмотрительности, недостаткѣ прозорливости: онъ не думалъ, что «бѣсы», которые живутъ въ сынѣ Феодіа, и вышущенные во волю нѣмъ, Вардой, окажутся такъ сильными, «сильнѣе его», Варды. Онъ полагалъ, что всегда сумѣетъ «завлечь» ихъ. И вотъ—не можетъ. Варда понималъ, что даже его собственная жизнь зависитъ въ опасности отъ этихъ бѣсовъ. Времена Варды хотѣлъ для спасенія имперіи устранить «Установленнаго базилева, но его останавливала мысль: «Установить традицію убійства, это значитъ доканать Византію...» Да и старъ онъ для того, чтобы принять наследство Михаила...

Послѣдніе годы Варды видѣтъ, что македонскій конюхъ Василій отдалъ его отъ авторитета, но не жалѣетъ объ этомъ: онъ усталъ; да и не все, да равно—кто поможетъ Михаилу идти къ гибели?... Все безразличнѣе и безразличнѣе относился Варда къ завамамъ «луча Христова»—и все чаще

и чаще оставался один в своих палатах, не заглядывая даже в «соиспосторюг».

Радость съездов соборных «судородственных чудовька» начала бугтовать въ нравствѣ и просто человѣческих сое-вѣств. Особенно стала тревожить его она послѣ диннаго слу-чая въ крамѣ Богородицы Одиитриги, когда Варда, собираясь въ критской походъ, подошелъ къ святыню, гдѣ находи-лась Богоматерь-Путеводительница,—должннхъ узнать съ его плеча, Кесарь суевѣрный, какъ всѣ въ его вѣкъ, увидѣвъ въ этомъ предзнаменованіе несчастья. А вчера, въ ночь, его разболели отомешія тѣни. Приходило къ нему безсоніи,—брать Феодора и бывшій регентъ, убитый по приказу Варды въ горькихъ Скликии. Онъ пришелъ, облитый кровью, «съ кровью», разорваннымъ мѣхомъ», и позвалъ Варду за собою... Это не былъ сонъ: Варда былъ увѣренъ, что видѣлъ убита-го вѣявъ, и до утра дрожалъ отъ страха.

... За нѣтъ? Куда?

А подъ утро, забывшись тяжелымъ сномъ, Варда уви-дѣлъ во снѣ нечто еще болѣе страшное.

... Онъ и Михаилъ вошли въ великую церковь. Еще около храма ихъ встрѣтилъ мужъ, одѣтый въ бѣлую одежду. Они провели базилевса и его, Варду, къ алтарю. На престолѣ патриарха увидѣлъ онъ старца съ ликомъ апостола Петра. Его окружали свѣтоносные мужи, вооруженные какъ гвардія базилевса, а у ногъ апостола возлежалъ блаженнѣйшій Игна-тіи, прося отпущена за скорби свои.

И рекъ старецъ, давая метъ одному изъ окружающихъ его: «Сего богопротивника (онъ указалъ на Варду), поста-вить надъбѣе, расъбка на части, а «сына нечестія» оставить съ стояннхъ направо, но возвѣсти, что и онъ приметъ по-добную же казнь».

Проснувшись отъ страшнаго видѣнія, Варда долго мо-лился передъ ликомъ Владычницы, и тотчасъ написалъ завет-щаніе: съ этой минуты онъ былъ увѣренъ въ близкой смерти. Онъ началъ записывать въ дневникъ свои мысли и чувства. Ты говоришь, что Андрей дѣлаетъ «переселеніи» правите-ля своего доречскаго, являвшася къ нему съ доказа-тель—позови его ко мнѣ.

Дворецкій съ наумленіемъ посмотрѣлъ на господина: Варда не любитъ «сородныхъ».

Андрей былъ одинъ изъ многихъ «блаженнѣхъ» царствую-щаго тогда «сородиваго Владычницы», какъ его прозвали. Юродство было однимъ изъ распространеннѣхъ способовъ бо-гоугожденія: его принимали на себя люди, хотѣвшіе нести образъ подвижческаго житія» среди города и его иску-шеній: Подвигъ постничества и молитвы, совершаемый въ го-родѣ и даже обители, былъ похвѣею обаяннхъ. Монахъ-по-двигннхъ созывалъ вокругъ себя почитателей: его окружала толпа; дворцы базилевса и патриарха считали его «Вольнымъ гостемъ»: понятно, это было положене, какому не могла желать смиренная душа, и люди, не желавшіе славы «чело-вѣческой», принимали на себя образъ «сородовъ»—безум-ныхъ.

«Андрей былъ тяжелый подвигъ, казавшійся имъ ономъ въ «Андрей», который являлся въ палаты Варды круглый годъ ходя въ тяжелыхъ веригѣхъ, босой и полуодѣтый: Колон-на» «свннхъ» точю онъ проводилъ на каменныхъ плитахъ порч-тучею». Верги и мерица, и зиннѣи мѣлнхъ его плеча и груди сплошь покрывались язвами. Конечно, подвигъ юродства по-ннхъ аланъ, давъ подвигъ, и между византийцами по-совому набожннхъ. Нашлось бы много такихъ, которые дава бы провъ «блаженному», но византийцы обнаруживали въ дан-номъ случаѣ неидеальную въ ннхъ реакціонную чувственопн докнннхъ, что привнннхъ въ себя подвигъ не хочеть ннхъ мнннхъ, хочеть, чтобы уважали ево:желанне быль въ нхъ под-вигъ въ ннхъ «сородовъ».

ношеніе и раны». Мало того. Какъ н странно это, уважалъ людей, отрехннхъ во имя Христа отъ всего; даже отъ «буй-наго разума» человѣческаго; византийцы не считали грѣхомъ помочь «блаженннхъ въ ихъ подвигѣ». Византийцы трумили собаками, обливали грязью самыхъ уважаемнхъ изъ блажен-ныхъ, и трудно было понять, какъ вылезло это глумленіе съ тѣмъ почти благовѣнннхъ уваженіемъ, съ какими ловили каждое ихъ слово, каждое движеніе, придавая характеръ пророчества самымъ простымъ ихъ дѣйствіямъ, зато одной при-внннхъ-пользовались «блаженннхъ»: это правомъ говорить правду въ ннхъ.

Любой вельможа могъ и смѣлъ для забавы привязать бла-женнаго вѣсто чувства на своемъ виноградникѣ, и никто не могъ смѣлъ бы отвѣтитъ обидой на ихъ обличающее слово. И юродивые пользовались своимъ правомъ, хотя, конечно, они пользовались бы имъ и подъ угрозою смерти.

Встрѣча Варды съ Андреемъ была необычна. Блаженный, вопреки обычному его поведенію, былъ серьезенъ: глаза смот-рѣли строго и печально, на лицѣ не было обычной печати безмыслия: серьезно, медленно онъ опустился на кофѣ пола и поклонился дозарю до земли.

«Что ты, рабъ Божій: я еще не базилевств, чтобы такъ кланяться мнѣ,—пощупай Варда, хотя и поклонъ, оказался ему злымъ предзнаменованіемъ».

«Увѣнчавъ бугдешъ, увѣнчавъ...»—борматъ блжен-ный обнннхъ тономъ «блаженнаго» и поклонился еще разъ.

Варда испуганно взглянулъ на Андрея: «Что значить увѣнчавъ? Какъ?» Но ему сироптъ «блаженнаго» было страшно.

Сейчасъ и вѣнчавшею придуть,—снова заговорилъ Андрей и быстро, быстро сталъ благословлять правннхъ частымъ-частымъ крестами.

Варда невольно отшатнулся: ему показалось, что онъ по-нялъ «блаженнаго» и ему вспомннхъ сегоднншнй сонъ, обн-ннхъ ему смерти.

«Не бойся, не бойся: мой крестъ—Христосъ: въ немъ нтъ лжи; бойся, когда будешь вѣрннхъ съ тѣ, что дѣлаетъ съ тобою хлѣбъ».

Варда, чувствуя, что въ рѣчахъ «блаженнаго» что-то боль-ше простаго борматанья, знакомъ пригласилъ юродиваго згннхъ за собою въ рабочій его покой. Но въ это время доречнй до-ложилъ, что болннхъ посланнхъ свнщенннхъ патриарха и ве-ликаго догелота.

«Идутъ... Идутъ...» однннхъ доложу,—заговорилъ сло-ва Андрей и, быстро свернувшись комкомъ, улеза подъ тыльную огромной палаты; стоявшей въ углу прнѣмной палаты.

Патриархъ Фотій вошелъ вмѣстѣ съ догелотомъ рнста-лнца, затемъ варды Симпателъ.

Варда, склонившнхъ, приннхъ благословеніе отъ патриар-ха и покланялся съ згннхъ.

«А это кто,—замѣтилъ патриархъ «блаженнхъ» «блажен-наго и узнавшнхъ его, пренебрежительно усмѣхнулся».

«А! Андрей!»,—что же ты не приннхъ благословене отъ влнннхъ,—получннхъ по-доусербно упрекнутъ юродн-ваго патриарха!».

Благословеніе! да... да... «Свннхъ» «благословеніе!» Тодъ!».

И голосъ «блаженнаго» опять сталъ «новымъ», серьезнымъ и печальнымъ: Тодъ!»; свнннхъ, думая, я вѣрннхъ! Разъ даю благословене получннхъ властвъ нзводнхъ Боже! мннхъ, такъ же щедро, какъ «нащннхъ» Великой! Церквн сестерн ннннхъ направо и нальво... Варду благословннхъ! А не благословннхъ нн ты сегодннхъ Василия. Не благословннхъ ли Михаила и этого! Спнннхъ!.. И Игнація благословннхъ ты, какъ нхъ! Не чуждо ннхъ прозодтъ ннхъ въ рннхъ благосл-вннхъ Тодъ!».

Фотий смутился. Андрей сегодня не был похож на себя. Ръчи его были не ясны, но юридичи рѣшительно отбросилъ то «безумнаго», и Фотий угадывалъ острый смысл его рѣчей.

— Ну, ты меня благослови, — вынырнула съ усмѣшкой Симпатій, даруя въ блаженную — какъ веригъ, высококазнущий, изъ-подъ лохмотьевъ блаженнаго.

— Не дано мнѣ, не дано... Престъ... Не крестомъ ли предаю друга своего, — и слова старый бессмысленно мертвый токъ издала. И слова въстали показавши, въ въ этихъ словахъ какой-то опредѣленной и страшный смыслъ.

Логофетъ даже пошатнулся и, взглянувъ на Варду, безознательно перекрестился. Точно желая положить конецъ празднымъ рѣчамъ, а въѣсть показать, что онъ не стоитъ никакого вниманія, Фотий сѣлъ рядомъ съ Вардой и завелъ серьезный хѣловый разговоръ. Онъ разсказывалъ о своихъ ученыхъ планахъ, о проектѣ новой великой школы, которую онъ хотѣлъ основать, о новыхъ приобретеньяхъ нѣмъ книгахъ, «въ которыхъ больше ошибокъ, чѣмъ буквъ», о трудѣхъ Льва Солуцкаго, въ которому Фотий отнесся съ выключенно недоброжелательствомъ, какъ къ сопернику въ учености. Съ негодованьемъ говорилъ о томъ, что Левъ находитъ неурѣзанными плеванами въ Библии и осуждаетъ ее; что онъ краснорѣчие свѣтскихъ ораторовъ ставитъ выше краснорѣчій апостоловъ.

— И учености иногда ведетъ къ пагубѣ, какъ привела атеологическаго Ортева, — говорилъ патриархъ. — Благородныя думи ищутъ не той мудрости, которая гонится за высокопарными фразами и довольствуется краснорѣчивостью; но той, которая изслѣдуетъ корни вещей, не заблуждается, но проникаетъ до внутренняго, до глубины того, что подлежитъ насладованью. Его зовутъ философю и математикомъ (не удержался патриархъ колыхнуть соперника), но высшая философия — писаніе и не триугольникъ мѣрять нѣкую Божіе съевъ...

Варда подкидывалъ, но мысли его были далеко, и патриархъ, замѣтивъ это, рѣшилъ перейти къ темамъ болѣе, по его мнѣнію, интереснѣе для правителя. Онъ сталъ передавать содержание своего «свода» церковныхъ правилъ «Номоканона» въ 14 титулахъ и доказывать необходимость изданія новаго гражданскаго свода. Варда слегка оживился. Казалось, очутился и Андрей! Онъ поднялся, схватилъ подушци, потому разозлился бросился къ ногамъ патриарха.

— Благослови!.. благослови!.. Своды, своды-то!.. Рабы не раздвалили!.. И подъ «сводами» святой Софійи можно раздвигать Стадашаго... Какъ бы не рухнулъ... Любюе! — вотъ, онъ, своды-то!.. отъ стъ въ свѣтѣхъ, Учености была отъ...

Фотий глядѣлъ на него пренебрежительно и высокомерно. Три удара въ бѣло возвестили, что идетъ базилевскъ. Андрей издалъ обѣщаніе Варду крестомъ и выбѣжалъ изъ палаты.

Для чего предпринялъ Михаилъ вѣрстный походъ 862 года, угадать трудно.

Можно подумать, что только для того, чтобы выѣзди столицу покончить счеты съ Вардой: иначе въ этой экспедиціи не было смысла. Михаилъ и армія его велики главными вождями ея: Вардой, логофетомъ, ристанцемъ Симпатіемъ, Василіемъ, дошли до тѣхъ Оракія и хѣвъ въ уѣстечкѣ, называемомъ Хоръ, расположились стойкой. Слуги, шедшіе впередъ отряда, приговорили стѣны къ базилевскъ и его важнѣйшимъ парадворецъ. Ставка Михаила въ долинѣ у подножья довольно высокаго холма, ставка Варды на его вершинѣ. Такое расположеніе слобовъ стѣлаю было, кажется, умышленно: хотѣли отдалить Варду отъ слабаго императора изъ боязни, что тотъ себѣ поддается влѣпню искуснаго дипломата. Враги Варды сумѣли добиться согласія Михаила на «дѣйствіе», но они двѣ

столовахъ по дружию и базилевю. Варда, стоявшій глѣбой головой выше этой слобы, вдушалъ нѣмъ страхъ: при этомъ онъ плохо зналъ свои силы.

Они считали, что у Варды въ самомъ лагерѣ большая поддержка не только въ арміи, но и среди вельможъ: его зять Симпатій былъ логофетомъ ристанца, то-есть, первымъ казначейникомъ двора. Сынъ Антипохъ носилъ званіе «дометика», т.-е. также занималъ должностъ, заключительнаго влѣпня. Между тѣмъ зять уже давно предвѣлъ Варду и дооблажалъ Михаилу его голову. Василій, ловкій и лукавый, сумѣлъ побудить нерѣшительность заговорщиковъ. Онъ убѣдилъ ихъ, что Варда узнаетъ о заговорѣ и если промедлитъ еще день, заговорщики будутъ схвачены. Опасность дава убійцамъ мужество.

1-го апрѣля 862 года Варда былъ приглашенъ «выпить» съ его вельчествомъ. Туда собрались и убійцы съ оружіемъ, скрытымъ подъ плащами. Бѣва Варда преступилъ порогъ перскаго шатра, его зять содѣлалъ крестное знаменіе. Это было сигналомъ. Убійцы ринулись къ Вардѣ. Варда, видя смерть, обнялъ колѣна императора, но авторитетъ оттолкнулъ его ногой, бросивъ невнятную шутку, какую затрудились повторить даже не ухваченно краснѣть византійскіе хронисты.

Тѣло кесаря было разсѣчено на части, и отдѣльные части тѣла съ лозоромъ пронесли по лагерю. Войска отыпали бунтомъ, но обѣщали награду и возвращеніе изъ похода и они успокоились.

Такъ помѣлъ враги Игнація, наиболее откровенный и честный между этими врагами: предсказаніе Андрея исполнилось: въ Византіи самое «крестное знаменіе» стало сигналомъ къ преступленію.

Василій проложилъ себѣ дорогу къ престолу. Михаилъ усповалъ, Василій и вскорѣ посѣтъ этого вѣнчать его въ святой Софійи.

А Михаилъ?... Онъ праздновалъ, пировалъ съ колѣно-ками, скакалъ на шпиротѣ, по капризу то въ «сладубюгъ», то «селенюгъ». Василій, замѣтившій Варду, какъ и тотъ старался развѣлчъ базилевскъ; и ему удалось угодить ему: отъ намѣстъ обѣжданую «Россу».

Конечъ первой части.

Визиско Мисакиа (Продолженіе слободеть).

Какъ ведутся миссіонерами бесѣды въ Москвѣ на Преображенскомъ кладбищѣ.

28-го июля мнѣ пришлось быть на Преображенскомъ кладбищѣ да бесѣдъ. Бесѣдовалъ господствующей церкви миссіонеръ Звѣрѣвъ, съ старообрядцескимъ начетникомъ Бѣлокриницкой митрополіи А. Е. Самошинымъ. Я не знаю — происходила ли бесѣда до моего прихода. При мнѣ же не бесѣда была, а скорѣй церенскій пыльный сдохъ. По крайней мѣрѣ, на меня, бывшаго на сходѣ въ деревнѣ, произошло миссіонерское выступленіе такое впечатлѣтельное. Съ этимъ согласится всякій, кто бывалъ на деревенскихъ сходкахъ, а потому на бесѣдахъ Преображенскаго кладбища. Въ чѣмъ же зѣтъ сходство? А это въ чѣмъ. На деревенской сходкѣ безобразно кричать. Но не подумайте, что такъ вѣтъ кричать. Нѣтъ, тамъ только кричать широкъ, т.-е. самые нахальныя люди въ обществѣ. Они своими горами и физической силой заставляють другихъ за-

молчат совершенно, а то и совсѣмъ уловятся со стога. А сами орутъ, кричатъ и дѣлаютъ все, что имъ угодно; всѣ вопросы рѣшаютъ по-своему. Горе тому, кто возмущается противъ нихъ что-нибудь возразитъ, сейчасъ же притворится и тогда придется ему возвращаться докой съ болью въ бокахъ. То же самое я наблюдаю и на Преображенскомъ кладбищѣ. Вхожу во дворъ кладбища, вижу слоняя порядочная толпа слушателей, тоже подъ открытымъ небомъ, какъ и слыхъ въ деревнѣ. Впереди слушателей сдѣланы изъ досокъ подмости, а на нихъ возвышается каедръ, около нея устроены лавочки для сидѣнья. За каедрой возвышалась съ взъерошенными на головѣ волосами, съ грубыми ящичью, съ большими открытыми ртомъ и съ махающими руками фигура миссионера Звѣрева. Въ такомъ видѣ онъ хорошо походитъ на деревенскаго заправилу-мироѣда. Звѣревъ такъ же безобразно по-деревенски кричитъ съ гнѣвой у рта, стараясь такимъ образомъ перебить рѣчь своего собесѣдника. Собесѣдникъ его, Самошинъ, стоялъ передъ нимъ гораздо ниже, задомъ къ слушателямъ, а лицомъ къ миссионеру, такъ что брызги слюны изъ рта Звѣрева попадали Самошину и на голову, и на лицо, и на грудь. Такъ миссионеры устроено, конечно, зарекомъ, чтобы какъ можно больше унижить этимъ самымъ своего собесѣдника. Такимъ образомъ, выходятъ, какъ будто Самошинъ въ чемъ виноватъ предъ миссионеромъ. Онъ держалъ въ рукахъ раскрытую книгу, только-что началъ свою рѣчь и хотѣлъ изъ нея что-то читать, какъ Звѣревъ зароралъ во все горло, какъ настоящий деревенскій мироѣдъ и сбѣлъ Самошину. Самошинъ старался было не уступать, но на помощь Звѣреву закричали другіе мироѣды близъ него сидѣща, а потому закричалъ со всѣхъ сторонъ изъ слушателей. Я стоялъ сади, возмущаясь этимъ, негоднымъ еще мною никогда безобразіемъ. Впереди меня человекъ пять кричали: «Самошинъ, замолчи!! Самошинъ, прет!! Дуракъ!!!» Я не вытерпѣлъ и сталъ ихъ успокаивать, но не тутъ-то было, какъ они на меня опрокинулись всѣ: «Ты,—говорятъ,—что понимаешь? Бѣдъ мы слушали миссионерские восторговскіе курсы и понимаемъ, что Самошинъ вретъ, а ты что?» Я понялъ, что это за крикунъ и говорю: «Развѣ Восторговъ учитъ васъ безобразничать и кричать, какъ пьянымъ мужикомъ на сходѣ? Плохой же вамъ Восторговъ, если онъ такъ вамъ позволяетъ вести себя на бесѣдахъ». Не успѣвъ я окончить своихъ словъ, какъ они меня окружили тѣснымъ кольцомъ, и съ пылающими злобою глазами, скрежеща зубами, набросились на меня. Я поспѣшалъ ихъ оставить и ушелъ отъ нихъ подалѣе, боясь, какъ бы они меня не прибили, что и было бы на самомъ дѣлѣ, какъ я узналъ объ этомъ послѣ отъ нѣкоторыхъ слушателей. Нѣкоторымъ изъ нихъ уже попадаало отъ восторговскихъ выученковъ.

На каедрѣ Звѣревъ все еще продолжалъ своихъ оглушительныхъ крикомъ перебивать Самошину. А слушатели восторговскихъ курсовъ такъ кричали въ толъ Звѣреву, что наши деревенскіе мужики далеко уступаютъ имъ въ этомъ. Я всматривался внимательно и вижу, что добрая половина слушателей состоитъ изъ нихъ. Они, оказывается, всѣ, сколько ихъ есть, посылаютъ каждую бѣду и своимъ горломъ помогаютъ миссионеру, не давая возможности говорить старообрядческому начетчику. И по окончаніи бесѣды восторговскіе мироѣды не успокаиваются, они шайкой идутъ за старообрядческимъ начетчикомъ и грубо надъ нимъ издѣваются.

Старообрядческіе начетчики не бесѣдуютъ въ Сергійской аудиторіи въ Москвѣ, потому что тамъ миссионеры не даютъ имъ равновѣсія. Но здѣсь, на Преображенскомъ кладбищѣ, имъ не только въ этомъ отказываютъ, но почти совершенно не даютъ говорить; имъ болѣе всего приходится дрязгать отъ кулаковъ восторговскихъ курсовъ. Здѣсь со-

вѣтъ не мѣсто выступать на бесѣды старообрядцамъ, и пусть старообрядческіе начетчики, если они уважаютъ себя и свое достоинство, не выступаютъ въ полемикъ съ этими безобразниками, а тѣмъ паче на Преображенскомъ кладбищѣ. Пусть миссионеры бесѣдуютъ лишь со своими восторговцами. Народъ не станетъ поспѣвать ихъ однихъ. И это сдѣлать необходимо.

Митра.

Г. Омскъ

(Отъ нашего корреспондента).

Въ іюлѣ сего года въ нашемъ городѣ образовались миссионерскіе курсы подъ руководствомъ «извѣстнаго» протоіерея Восторова. Слушателей-курсовъ собралось болѣе 200 человекъ, преимущественно сельскіе батюшки сибирскаго района. На этихъ курсахъ назначены были лекціи и противъ старообрядческой іерархіи. Лекторомъ по этому вопросу былъ оренбургскій епархіальный миссионер о. Александровъ. Узнавъ объ этомъ, мѣстные старообрядцы, чрезъ одного изъ своихъ дѣятелей В. А. Сергѣева, сдѣлали заявленіе синодальному епископу Андронику и о. Восторгову о желаніи устроить во время этихъ курсовъ публичныя собесѣдованія съ миссионерами. Однако такое заявленіе старообрядцевъ не встрѣтило сочувствія какъ со стороны еписк. Андроника, такъ и со стороны о. Восторова. Онъ находитъ эти бесѣды для себя нежелательными и лишь созданными рекламу для старообрядцевъ. «Зачѣмъ намъ съ вами публично бесѣдовать?—говорили епископу Андронику и о. Восторгову,—васъ, старообрядцевъ, здѣсь такъ мало. Если желаете, такъ приходите поговорить частнымъ порядкомъ. Мы, что нужно, вамъ разъяснимъ... А публичныя бесѣды мы только будемъ рекламировать старообрядцевъ». Но послѣ усиленныхъ просьбъ старообрядцевъ все же рѣшились устроить бесѣды двѣ-три. Къ 12-му іюля было вызвано изъ Москвы старообрядческій начетчикъ Д. С. Варавинъ. Пріѣхавъ въ Омскъ 12-го утромъ, Варавинъ немедленно же отправился къ миссионерамъ. Оказалось, что все дѣла и переговоры по устройству собесѣдованій со старообрядцами были поручены миссионеру Александрову. Къ нему и пришлось старообрядческому начетчику Варавину обратиться по дѣлу устройста этихъ собесѣдованій. Миссионер о. Александровъ, на предложеніе Варавина првести не менѣе шести, и, въ крайнемъ случаѣ, пяти бесѣдъ, рѣшительно и наотрѣзъ отказался, соглашался только на три бесѣды.

Сдѣлаво было миссионеру указаніе на то, что онъ можетъ принимать участіе только въ трехъ бесѣдахъ и потомъ ѣхать куда ему угодно, а остальныя пусть будутъ поручены другимъ, находящимся на курсахъ, миссионерамъ. О. Александровъ сказалъ: «Идите къ архіерею, если онъ распорядится такъ сдѣлать, то и бесѣдуйте, а мнѣ некогда».

Когда же начетчикъ Варавинъ заявилъ, что онъ пойдетъ къ архіерею просить, чтобы устроить не три, а болѣе бесѣдъ, то о. Александровъ заявилъ: «Идите, если хотите, но только завтра мнѣ архіерей сказалъ, что если старообрядцы придутъ ко мнѣ просить о бесѣдахъ, то я пошлю ихъ къ вамъ» (т. е. къ о. Александрову). Понятно отсюда, что все это было устроено Александровымъ рѣшше, чтобы домогательства старообрядцевъ не достигли желаемой имъ цѣли. Всѣ ходы и выходы были отрѣзаны весьма предусмотрительно. Разумѣется, старообрядцамъ ничего болѣе не оставалось дѣлать, какъ только согласиться хотя уже на три бесѣды. Было по всему видно, что миссионеры старались не предавать этимъ бесѣдамъ характера особо публичнаго. Входъ на бесѣды былъ устроенъ по билетамъ и старообрядцамъ было дано только 50 билетовъ. Бесѣды были назначены на темы: 1) «О вѣчно-

сти священства Христова Церкви», 2) «О расколе в русской церкви» и 3) «О старообрядческой иерархии». На беседах присутствовали три архиерея, в числе которых были и ссыльный Никодор (Колоколов). Посещая одну из бесед акмолинской губернии г. Шеврова, которым, кстати сказать, местные старообрядцы очень доверяли за его справедливое к ним отношение. Подробности беседований опускать мы не будем. Скажем только, что руководители курсов на каждой беседе самым ярким доказывали положительный провал миссионера о. Александра. Недовольство их беседами выражалось в том, что по окончании каждой беседы минут 30—40 говорят о. Восторгов и минут 15—20 говорят епископ Андрияш. Этим временем он старался сглаживать неблагоприятное во отношении к себе впечатление слушателей, получившее или от беседований. Кроме того, когда беседа оканчивалась «О расколе в русской церкви», то о. Восторгов убедительно просил Варакина— нельзя ли эту беседу сократить или говорить поменьше речей, или покороче сделать самую речь. Мотивом этого о. Восторгов выставлял то, что им вечером нужно быть на лекции. Но время вполне позволяло провести беседу несколько не сокращая условного времени. Не поспешил же о. Восторгов в этой беседе говорить заключенное дольше, чем на других беседах,—значит они опасались не того, что куда-то оведают, а опасались самой темы беседы. На этой беседе столько было публики, что, несмотря на очень строгий контроль при входе, множество народа были без билетов. Зато, очень обильный, был переполнен и еще много народа стояло на улице, не имея никакой возможности попасть на беседу. Так что действительно местные старообрядцы вполне пользовались рекламой и притом, надо сказать, вполне заслуженной. По окончании третьей беседы начатившем, Варакиным, при переполненном, зал был сделано миссионерам предложение провести еще четыре беседы на следующие темы: 1) «О незаконности собора 1667 г.», 2) «О порицаниях на древия предания церковныя, произнесенныя иерархией господствующей церкви», 3) «О современном состоянии господствующей церкви» и 4) «Учение богословия господствующей церкви о таинствах церковных». Но предложение это вся находившаяся на курсах миссионерская сила принять отказалась и они поспешили закрыть беседы. Это последнее явление произошло на множество слушателей ошеломляющее впечатление. На другой день в город, прямо на улицу, встретив начатчика Варакина, слушатели благодарили за проведение беседы, протестовали против пяти часовых заключительных речей о. Восторова и рвисто осуждали за их уклонение от вновь предложенных Варакиним беседований. Слабые, безынные и трусливые защитники синодального влчества!

Къ бесѣдамъ съ поморцами въ Москвѣ.

Всѣ условия бесѣды въ Москвѣ представителей Бюро-кринищной иерархii съ старообрядцами-поморцами высланы и окончательно приняты. Бесѣды будутъ производиться во 2-й аудиторiи Политехническаго музея съ 6½ час. вечера. Начнутся бесѣды съ 25-го августа. Входъ на нихъ по билетамъ, которые съ 20-го числа можно будетъ получить въ помѣщенiи братства Честнаго Креста (Б. Каменщикъ, д. № 3, телеф. 2-62-22), а въ дни бесѣды при входѣ въ аудиторiю.

Дополнительныя условия бесѣды изложены въ слѣдующихъ письмахъ, которыми обмѣнялись между собой председатель начетнической комиссiи при братствѣ Честнаго Креста Ѳ. Е. Мельниковъ, и секретарь союза поморскихъ соборовъ Н. П. Ануфриевъ.

5-го августа г. Ануфриевъ писалъ г. Мельникову:

«На сообщенiе ваше отъ 2-го августа, за № 164, имѣю записать слѣдующее:

1. Въ виду того, что программа цѣликомъ исходитъ отъ вашей стороны, всѣ бесѣды должны начинаться рѣчами вашихъ начетчиковъ, не включая и шестой бесѣды, послѣдняя же рѣчь на всѣхъ бесѣдахъ должна принадлежать, естественно, нашимъ собесѣдникамъ.

2. Копiя стенографическихъ записей бесѣдований, если таковыя будутъ по желанiю братства производиться, должна быть предоставлена Н. П. Ануфриеву безплатно, а также же право на изданiе и распространение записей должно принадлежать всѣмъ участвующимъ въ бесѣдованiяхъ начетчикамъ и собесѣдникамъ, т.-е. Ѳ. Е. Мельникову, Д. С. Варакину, Ф. П. Кондратьеву, Ф. Ѳ. Румянцеву, И. Т. Болшакову—совмѣстно, что должно быть выражено въ особомъ актѣ за подписью всѣхъ перечисленныхъ лицъ.

3. Никакихъ расходовъ по составленiю, перепиискѣ, печатанiю, корректурѣ стенографическихъ записей съветъ на свой счетъ не принимаетъ и не приметъ. Всѣ эти расходы цѣликомъ падаютъ на братство, что просимъ намъ подтвердить.

4. Съветъ, принимая въ настоящее время программу бесѣдований съ вашей стороны, имѣетъ основанiе требовать принятiя нашей программы на будущiхъ бесѣдованiяхъ въ Саратовѣ въ 1915 году и поэтому не можетъ предоставить братству права пополнять ту программу, которая будетъ предложена съ нашей стороны.

Въ случаѣ, если братство не найдетъ возможнымъ принять изложенныя въ настоящемъ письмѣ четыре условия безъ какихъ бы то ни было измѣненiй, съветъ будетъ принужденъ прекратить переговоры объ устройствѣ бесѣдованiй». (Подпись).

Въ отвѣтъ на настоящее заявленiе г. Мельниковъ отъправилъ слѣдующее письмо г. Ануфриеву, 8-го августа, за № 166:

«Ваше заявленiе отъ 5-го сего августа, изложенное въ четырехъ пунктахъ, заслужило начетнической комиссiей при братствѣ Честнаго Креста Господня въ засѣданiи своемъ 7-го августа. Комиссiя постановила:

Согласиться исполнить съ первымъ пунктомъ вашего заявленiя, т.-е. всѣ шестъ бесѣды будутъ начинаться рѣчами нашихъ начетчиковъ, а заканчиваться рѣчами вашихъ начетчиковъ.

Согласна комиссiя и со вторымъ пунктомъ вашего заявленiя. Вамъ будетъ предоставлена безплатно копия стенографическихъ записей бесѣдований, сдѣланная упомянутыми отъ начетнической комиссiи. Что же касается авторскаго права, принадлежащаго собесѣдникамъ, то оно заключается, какъ понимаетъ комиссiя, въ обязанности каждаго собесѣдника просмотрѣть и проверить свои рѣчи съ стенографическими записями и проредактировать ихъ.

Согласна комиссiя и съ 3-мъ пунктомъ вашего заявленiя. Всѣ перечисленные въ немъ расходы будутъ произведены за счетъ начетнической комиссiи.

Что же касается 4-го пункта вашего заявленiя, то комиссiя считаетъ долгомъ напомнить, что она предоставляетъ вашимъ начетчикамъ выбрать для предстоящихъ бесѣды темы, какия имъ угодно. И если они отказались отъ этого права, то комиссiя въ этомъ ничуть виновна. Она и теперь предоставляетъ вашимъ начетчикамъ—использоваться симъ

правом. Комиссия устраивает собеседования не для какой-либо игры с своими братьями-поморцами и не с целью победить их, а с единственною намеренно—совместными силами вынести вопросы, разделяющие нас с вами. Только для этой цели должны быть организованы беседы и в Саратов в 1915 г. во время засяданий тамт. вашего вероисповедного сора. Поэтому комиссия невольно ваше желание динить комиссию права постановит и свои вопросы в программу беседь в Саратов. Особенно гордимо с ваше заключительное заявление, что если братство не увидит возможным принять изложенныя в ваемъ письмѣ четыре условия, безъ какихъ бы то ни было измѣненій, то совѣтъ поморскихъ соборовъ «будетъ принужденъ прекратить переговоры объ устройствѣ собесѣдованій». Мы ведемъ съ вами не дипломатические переговоры, а братскіе и христіанскіе, основанные на любви и взаимномъ спосожденіи. Любѣ же, по слову апостола Павла, «все покрываетъ, всему вѣритъ, всего надѣется, все переноситъ», она догтеритъ, милосердуется, не раздражается, не превозношится, не гордится (I Коринт. гл. XIII, ст. 4—7). Лучше давайте еще разъ собраться и братья обдумать то или иное вознившее между нами недоразуміе. Но прекращать переговоры объ устройствѣ собесѣдованій, когда уже рѣшено вести послѣднія, когда сито и помѣшене для нихъ,—это будетъ не по-братски. Комиссия надѣется, что этого прекращенія не последуютъ и беседы состоятся. Она уже приступила къ разсылкѣ приглашеній на бесѣды и пригласеній о нихъ. Какъ только будутъ готовы билеты для входа на бесѣды, я немедленно пришлю вамъ 20 удовольствительныхъ билетовъ.

Привѣтаніе къ вамъ съ искреннимъ уваженіемъ.

(Подпись): А. И. Сердюковъ

Отвѣты редакціи.

Вопросъ (И. Я. Сердюкова): Въ Апостолѣ (I. Иоан., гл. IV, ст. 1) говорится: «Возлюбленнн, не всякому духу вѣруйте, не искушайте духа, аще отъ Бога вѣсть. Дѣйствіе беззаконныя просить неая зариситъ дуралца.» «Сербовъ?» какіе это духи отъ Бога и какіе иные?

Отвѣтъ: Во время проповѣданческой дѣятельности св. Иоанна Богослова въ Малой Азии появились еретики, впоследствии называемые еносимами. Они въ чистое христіанское ученіе вносили начала греческой языческой философіи и іудейскіе взгляды и отрицаи Божественное достоинство Сына Божія. Одновременно съ ссызанными еретиками другіе еретики докзали, что отрицаи Божественнаго достоинства Ісуса Христа, въ призывали дѣятельности Его воплощенія и утверждали, что Ісусъ Христосъ имѣлъ призванную плоть человѣка, и страданія Его были только кажущимися: на самомъ дѣлѣ Онъ, какъ Богъ безплесный, не страдалъ. Распространеніе среди малознающихъ христіанъ такихъ лжеученій и побужди апостола Иоанна Богослова написать свое первое посланіе. Въсѣдѣтѣ того, что «сказанные еретики гордились своею мнимою мудростью, обладаемъя будто бы истиннаго знанія (вѣра) отъ Бога, но вѣдѣтъ съ тѣмъ вели грѣховную, чувственную жизнь, будучи вѣсело призываемыи къ благу этого грѣховнаго вѣра, апостолъ Иоаннъ въ общеніи ихъ пишетъ, что «Вѣтъ есть свѣтъ, и вѣтъ въ Немъ всякой тьмы» и для общенія съ Богомъ необходима нравственная чистая жизнь. «Вели ми говорить, что имѣемъ общеніе съ Нимъ, а ходимъ во тьмѣ, то мы лжемъ и не поступаемъ по истинѣ». Общеніе съ Богомъ

требуетъ постоянной заботы о своей нравственной чистотѣ, потому что, живя въ мѣрѣ, человекъ не можетъ оставаться безгрѣшнымъ и только исповѣданіемъ грѣховъ своимъ съ Богомъ очищается отъ скверны. Даже апостолъ доказываетъ, что для пребыванія въ общеніи съ Богомъ необходимо, помимо отреченія отъ привязанностей къ благамъ міра, чуждаться и лжеучителей-антихристовъ (противниковъ Христу). Какъвы же признаи этихъ лжеучителей-антихристовъ? Апостолъ даетъ на это слѣдующій отвѣтъ: «Духа Божія и духа заблужденія узнаваите такъ: всякій духъ, который исповѣдуетъ Ісуса Христа, въ плоть пришедшаго, есть отъ Бога; а всякій духъ, который не исповѣдуетъ Ісуса Христа, въ плоть пришедшаго, не есть отъ Бога, но это духъ антихриста» (I. Иоанн., IV, 2—3). Такимъ образомъ, въ указываемомъ нами мѣстѣ, посланіа св. Иоанна Богослова подъ имѣющимъ Духъ Божій разумеются истинно вѣрующіе въ Госода нашего Ісуса Христа, признающіе Его притищеніе на землю чрезъ волепленіе отъ Пресвятой Дѣвы Маріи; а отрицающіе Его—принадлежатъ къ имѣющимъ духъ антихриста, противника Христа.

Вопросъ (его же): Прочту также различитъ, о какомъ законѣ и грѣховности говоритъ въ VII главѣ посланія св. апостола Павла къ римлянамъ.

Отвѣтъ: Въ римской церкви было много христіанъ изъ іудеевъ, которые спорили о правахъ и преимуществахъ въ Церкви Христовой съ христіанами изъ язычниковъ. Узнаии объ этихъ спорахъ, апостолъ Павелъ, прежде чѣмъ послѣтъ римскихъ христіанъ лично, написалъ къ нимъ посланіе, въ которомъ доказываетъ, что предъ Богомъ вѣ грѣшны и безответны какъ іудеи, такъ и язычники, что спасаетъ человека только живая, дѣятельная вѣра въ Госода Ісуса Христа. Іудеи не имѣютъ никакого преимущества предъ язычниками. «Какъ іудеи, такъ и языки,—говоритъ апостолъ,—всѣ помя грѣхомъ, и всѣ мѣрѣ становятся виновны предъ Богомъ, потому что дѣлаами закона (разумеются законъ ветхозавѣтный) не оправдается предъ Нимъ никакая плоть: ибо закономъ познается грѣхъ. Но инынѣ, независимо отъ закона, явилась правда Божія, о которой свидѣтельствуютъ законъ и пророки. Правда Божія чрезъ вѣру Ісуса Христа во всѣхъ и на всѣхъ вѣрующихъ, ибо цѣтъ различіи, потому что всѣ согрѣшаны и лишены славы Божіей, получая оправданіе даромъ, по благодати Его искупденіемъ во Христѣ Ісусѣ». Апостолъ доказываетъ, что христіаннн, освободившись отъ рабава грѣху, свободны и отъ исполненія закона Моисеева. Что касается въ частности указываемой вами VII главы посланія, то здѣсь апостолъ различаетъ кажущуюся, ненормальность, что при язычнмъ святомъ законѣ Моисеева грѣховность человечества не только не уменьшалась, но еще и увеличалась, и потребовалось чрезвычайное благодатное средство для спасенія людей—исключительными заслугами Влнороднаго Сына Божія. Апостолъ говоритъ, что не въ законѣ, данномъ ветхозавѣтнымъ, лежитъ главная причина грѣха; цѣтъ причина грѣха—въ самомъ человекѣ. Законъ самъ по себѣ святъ и заповѣди его свѣты, справедливы и направлены къ добру. Законъ только обнаруживаетъ грѣхъ, коренящийся въ природѣ человека, извращенной первороднымъ грѣхомъ, грѣхомъ Адама. «Вѣтъ», говоритъ, извѣстн и всѣмъ признано,—изъяняютъ блаженнй Феофанитъ,—что законъ отнюдь не есть причина грѣха, но что онъ «судухуетъ»; т. е. наставникъ добродѣтели и вѣраго порока. Отъ чего же произошло грѣхъ при столь дивномъ наставникѣ? Отъ нерадѣнія и немощи учениковъ. Ибо «какъ»,—говоритъ,—«сплотивъ есмь», что значить: все «естество» человеческое, какъ до знанія закона, такъ и во время закона, наполнено было множественнои страстн; ибо вслѣдствіе преступленія Адамова мы не только «дѣлались смертными», но приходя наша получила страсти, продались грѣху и стала рабомъ, такъ что и

голова не могла подыть» (Блаж. Теофилакт. Толков. на Новый Заветъ, по изд. 1911 года, стр. 330). Итакъ, изъ вышеизложеннаго нами, надѣемся, для васъ будетъ понятнымъ, о чемъ говоритъ св. апостолъ въ указываемомъ вамъ мѣстѣ. Законъ, о которомъ онъ говоритъ, это—законъ, данный ветхозавѣтному народу. Законъ этотъ, будучи самъ по себѣ праведнымъ и святымъ, имѣвшимъ цѣлью нравственное усовершенствование человека, въ то же время являлся слишкомъ тяжкимъ для нарушавшихъ его. Наказъ прокатилъ на всѣхъ, кто такъ или иначе являлся нарушителемъ его, законъ этотъ довелъ мѣрѣ до того, что никто не могъ оправдаться отъ дѣла сего закона. Ибо родъ человѣчій, будучи вообще удобопреклоненъ къ грѣху, не могъ исполнить всѣхъ предписаній закона и потому являлся нечестуившимъ еще и противъ закона (Толкованіе Апостолъ, листъ 752). Такъ что не было «никого и изъ праведниковъ, большаго или меньшаго, который не былъ бы преступникомъ закона и не подлежалъ бы проклятію закона»,—говоритъ св. Ефремъ Сиринъ (Твор., т. 7, стр. 163). Чтобы искупить человечество отъ этого тяжкаго дога, Милосердый Создатель «послалъ Сына Своего Единороднаго, который родился отъ жены, подчинился закону, чтобы искупить подзаконныхъ, дабы намъ получить усновою» (Галат. IV, 4, 5). Въ силу искупленія человечества Господомъ, назинимъ Иисусомъ Христомъ мы, христіане, разрываемся отъ грѣховности чрезъ вѣру въ Него, чрезъ покаяніе предъ Нимъ въ своихъ грѣхахъ.

В. П. Александрову: 1) Указываемое вами событіе записано въ исторіи Теодора Чтена. Вотъ какъ было дѣло. Многие епископы, поборствовавшие по ереси салитазей Христовыхъ естество, съ царемъ Анастасіемъ во главѣ, сошлись съ престоломъ за право исповѣданія вѣры патріарха Македонія и на его мѣсто возвели Тимоея Нечестиваго. Потомъ сказанные царь Анастасій и Нечестивый Тимоей много причинили зла подвижникамъ за дивнаго Македонія и соборъ Халкидонскій (Георгій Кедрина, 20-е лѣто царя Анастасія). Здѣмъ, когда умеръ настоятель Студійской обители, Тимоей отправился въ Студійскій монастырь для поставленія ему наместника, т.-е. настоятеля. Но предназначенный къ хиротоніи сказалъ Тимоею, что онъ не приметъ рукоположенія отъ чловека, анаематствованнаго святой Халкидонскій соборъ. Тогда Тимоей сказалъ: «Анаема являемо, отвергающему или анаемствующему Халкидонскій соборъ». Постъ сего предназначенный къ хиротоніи принялъ отъ Тимоея рукоположеніе. Архидіаковъ Іоаннъ, державшійся манхейства, довелъ вѣбъ этому царю Анастасію. Царь, призвавъ къ себѣ Тимоея епископа, укорялъ его, зачѣмъ онъ сказалъ такіа слова. Но Тимоей заперся и увѣрялъ, что онъ анаематствуетъ всякаго, кто принимаетъ Халкидонскій соборъ (Истор. Теодора Чтена, кн. 2, парагр. 33). Въ это событіе приводите въ доказательство того, что если бы Влдокринскій митрополитъ Аврорій и не былъ присоединенъ къ Церкви Христовой священо-нижкомъ Геронимомъ, а только исповѣдалъ, что признаетъ истинною Церковью ту Церковь, въ которой присоединялся, то и этого было бы достаточно. Да, въ правильно рѣшаете вопросъ. И кромъ этого событія есть многія, изъ которыхъ очевидно, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ были пріобрѣтенія къ лону Церкви Христовой помимо дозволеннаго для такихъ случаевъ чина присоединенія. Въ № 28 журнала «Церковь» за текущій годъ, въ отвѣтъ Г. П. Кіунову, мы приводили выписку изъ исторіи Сократа (кн. 7, гл. 3), въ которой повѣствуется, что въ городѣ Панаціонской Фрнгій Агапій, епископъ македонскаго исповѣданія, пришедши къ благой мысли принять православіе, посоветовавшись съ своимъ вѣрономъ и народомъ, отправился въ церковь православныхъ, когда отсутствовалъ изъ нея православный епископъ, совершилъ здѣсь молитву и занялъ престолъ право-

славнаго епископа, не будучи присоединенъ никѣмъ изъ православныхъ по дозволенному чину. Приведемъ и еще нѣсколько подобныхъ случаевъ. «Петръ, боголюбивѣйшій пресвитеръ,—говорится въ дѣяніяхъ седьмого вселенскаго собора,—завѣщавшій (на сказанномъ соборѣ) мѣсто Ариана, папы римскаго, но утвержденію вопроса, что сдѣлаетъ примать хиротоніи саванскихъ еретиками, сказалъ собору: какъ говорятъ историки, святой Мелетій (архиепископъ антиохійскій) былъ хиротонисанъ архіаимомъ, по взмошли на званію, провозгласилъ слово: «Единосущный», и хиротонія его не отвергнула. И на это Осодоръ, епископъ катанскій, и бывше съ нимъ епископы сицилійскіе сказали: протопресвитеръ апостольскаго престола сказалъ «истину» (Дѣян. 7-го всел. соб., стр. 9). Другое доказательство. Царь Анастасій, сочувствующій еретикамъ, салвавшимъ естество Христово, свергаетъ Евменія, православнаго патріарха константинопольскаго, а на его мѣсто опредѣляетъ Македонія, который въ угоду Анастасію поднесъ сочиненіе еретиковъ святелей, именное соединеніе Зиновіевыхъ, отвергавшее соборъ Халкидонскій и прилагаемое къ Трилатому: «распнися пасъ ради». Сей Македонскій хотя и нечестивымъ царемъ и на мѣсто неправедно изгнаннаго православнаго патріарха избранъ былъ, и самъ къ нечестію царя подписался, и до трехъ лѣтъ пребывавъ въ этомъ нечестіи, но потомъ самъ собою сотворился православнымъ. И такъ по православію позвазлся, что нечестивый царь въ Евхариіи его заточилъ, а зѣмъ вѣрѣ и утвердить его. Но Господь такъ прославилъ его, что въ храмѣ, гдѣ онъ былъ положенъ, многіа чудеса творили. Объ этомъ подробно говорится въ исторіи Георгія Кедрина (въ царствѣ Анастасія). Наконецъ, и еще болѣе важное доказательство. Св. Тарасій, патріархъ константинопольскій, какъ извѣстно, былъ рукоположенъ еретиками иконоборцами, которые восточными и западными церквами ежедневно предавались анаемѣ. Тѣмъ не менѣе, когда былъ созванъ седьмой вселенскій соборъ, этотъ патріархъ, не будучи никѣмъ присоединенъ къ православію по положенному чиноиротоніи, предѣлательствовалъ на сказанномъ соборѣ и потомъ даже причисленъ въ лику святыхъ. 2) Относительно чтенія полунощницы, когда бываеъ всеобщее бѣженіе съ вечера, мы уже отвѣчали (М. Д. Исакову, № 12 за 1912 годъ). Сдѣлаетъ и въ такихъ случаяхъ читать полунощницу передъ бѣженіемъ.

•Новый храмъ на Рогожскомъ кладбищѣ.

18-го августа предстоитъ освященіе храма во имя Воскресенія Христова, находящагося въ нижнемъ помѣщеніи вновь выстроенной величественной колокольни Рогожскаго кладбища. Храмъ сооруженъ въ память знаменательнаго событія—отделенія алтарей кладбища въ 1905 году, 16-го апрѣля. Онъ невеликъ по своимъ размѣрамъ и видѣется всего около 250 человекъ; но по своей внутренней отдѣлкѣ и содержащейся въ немъ цѣнной коллекціи древнихъ иконъ онъ, безъ сомнѣнія, одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ во всей Москвѣ.

Величественная и строгая иконостасъ, исполненная въ новгородскомъ стилѣ XVI вѣка, украшаетъ стѣны, свода и куполъ храма; откосы дверей и оконъ покрыты древними орнаментами. Передъ входомъ въ самую внутренность храма находится небольшая паперть; стѣны ея также оштукатурены. Въ паперти храма помѣщаются двѣ замѣчательныя по работѣ иконы—Спаситель, новгор., XVI вѣка и Казанская В. М. строгановскаго пѣства XVII в. (последняя изъ

соборная г. Рахмановых). Массивная мѣдная дверь ведутъ въ наперти внутрь храма; она исполнена по образцу входныхъ дверей московскаго Благовѣщенскаго собора, съ изображеніями и орнаментами, покрытыми золотомъ.

Внутри храма, на северной стѣнѣ, въ особомъ нишѣ, покрывающаго басмой, исполнено по дереву рисункамъ, помещаются девять небольшихъ 6-шестиугольных иконокъ, изъ которыхъ особенно замѣчательными являются: «Трипостное Божество» и «Единородный Сыкъ» — новгородскаго письма XV в. и четыре иконы, изображающія «Достоиню есть» (въ шесть иконъ изъ собр. г. Рахмановыхъ); среди нихъ занимаетъ особый образъ «Символъ вѣры», пожертвованный А. П. Трегубовымъ. Замѣчательнѣйшую художественную рѣчьность представляютъ двѣ большаго размѣра заальтарныя иконы: «Трипостное Божество» и «Да молчитъ всяка плоть» (последняя рахмановскаго собр.). Оба образа одинаки и тѣмъ же лучшимъ писемъ царскихъ (отрогановскихъ) иконописцевъ второй половины XVII вѣка, необычайно тонкой и тщательной работы. Покрываетъ стѣнную басмой пятиархный иконостасъ заключающій въ себѣ также значительныя по рѣчьности и художественному исполнению изображения. Царскія врата лучшимъ северныхъ писемъ принесены въ даръ покойнымъ священникомъ кладбища о. Іоанномъ Власовымъ; по бокамъ ихъ въ стѣбахъ находится 12 небольшого размѣра изображеній святителей замѣчательнаго новгородскаго письма XV вѣка. Изъ мѣстныхъ иконъ известна заслуживающая особаго вниманія: храмовая икона «Воскресеніе» погорт. писемъ (даръ покойнаго М. С. Буанцова), «Семизерская Божія Матерь» (селевская архіепископа Антонія) и «Преображеніе Господне» алмазовскихъ новгородскихъ писемъ нач. XV вѣка (изъ собранія г. Рахмановыхъ). Во второмъ ярусѣ замѣчательны двѣнадцать небольшихъ иконъ съ изображеніемъ «Акаѳиста» — московскихъ писемъ нач. XVII вѣка и двѣ иконы — «Рождество Пресвятыя Богородицы» и «Введеніе во храмъ», — обѣ хорошихъ новгородскихъ писемъ въ древнихъ, современныхъ написаню, басменныхъ окладахъ. Третій ярусъ иконостаса представляетъ собою «Чинтъ», работы

лучшихъ новгородскихъ мастеровъ XV вѣка. Самый верхъ занимаютъ изображенія праздниковъ и пророковъ; первая московскихъ писемъ VII в., вторыя — новгородской работы XVI вѣка. Северная алтарная дверь, изображающая св. Рахарайшника, московскаго письма XVII вѣка весьма оригинальна по своему рисунку; на южной двери находится изображение «Творения человека» въ видѣ съ моментомъ «братоубійствія», также московскаго письма XVII вѣка.

Оригинальное двухъярусное паннакидо, а также вся храмовая утварь, кадильи и подсвѣчники въ строго-выдержанномъ древне-русскомъ стилѣ XVI вѣка, по рисункамъ архитектора Ф. Ф. Горностаева. Напрестольная алтарная арка сделана изъ кованаго серебра также по старымъ образцамъ.

Въ ознаменованіе того, что настоящій храмъ сооруженъ въ память отпечатанія алтарей храмовъ Рогожскаго кладбища, вдоль карниза внутреннихъ стѣвъ храма гравирована славянскою вязью, следующая надпись: «Лѣто отъ Рождества Христова 1906 начата бысть сія церковь дѣлать во имя Свѣтлага Христова Воскресенія въ царствованіе Великаго Государя Николая Александровича всея Руссїи Самодержца, при архіепископѣ Іоаннѣ Московскомъ, въ память дарованія свободъ и отпечатанія святыхъ алтарей 16-го апрѣля 1905 гѣта. Совершена бысть и подписана сія церковь въ лѣто отъ Рождества Христова 1913, а освячена тою же лѣта мѣсяца августа 18 день».

Храмъ построенъ и отдѣланъ исключительно на средства жертвователей — прихожанъ кладбища и главнѣе образомъ известной благотворительницы Ѳ. Е. Морозовой. Главное же участіе принимали и сдѣлали за вѣзмъ устройствомъ И. П. Трегубовъ и архит. Ф. Ф. Горностаевъ. Иконописцы работы исполняли известные мастера М. П. Дикаревъ и П. Я. Тюшинъ; паннакидо и вся первовая утварь работы мастеровской наслѣдниковъ Я. Ф. Мишукова.

И. В.

Церковно - общественная жизнь.

Запрещеніе священнослуженія.

Московскимъ архіепископомъ Іоанномъ запрещенъ въ священнослуженіи дьяконъ Успенскаго храма, члн на Алухтинскъ, Сергій Булашевъ за совершенные имъ проступки, порочащіе священное и человѣческое достоинство.

с. Красный-Яръ, Херсонской губерніи.

(Отъ нашего корреспондента).

14-го мая 1913 года въ мѣстномъ старообрядческомъ храмѣ Влахериницкой іерархіи во имя Покрова Пресвятыя Богородицы, по случаю окончанія ученія въ земской старообрядческой школѣ, былъ отслуженъ молебенъ, на коемъ, кромѣ учащихся присутствовали нѣкоторые изъ родителей. Планъ ученія. Сначала слабо и неуверенно исполняли они положенныя пѣнопѣнія, но потомъ, когда освоились съ торжественной обстановкой богослуженія, въ коемъ они являлись самѣ активными участниками, пѣли легко и свободно. Сильное впечатлѣніе произвело на присутствовавшихъ услышанное въ храмѣ въ первый разъ самостоятельное пѣніе дѣтей; и та непривычка, которая существовала у нѣкоторыхъ изъ нихъ въ

ходѣтъ подъ вліяніемъ слышаннаго, замѣтно, замѣнялась чувствомъ добрыя, — что дѣтей въ школѣ стараются не только обогатить знаніями, но выработать истинныхъ христіанъ въ духѣ старообрядчества, способныхъ къ общественно-церковному служенію.

Достигнуть такого результата за время кратковременнаго существованія школы (всего одинъ годъ) было весьма трудно, и заслуга въ этомъ отношеніи всецѣло принадлежитъ священно-іерее о. Ѳ. Вирюкову, который, заимавшись въ школѣ преподаваніемъ основъ Закона Божія, уделяя время и на обученіе дѣтей церковному пѣнію. Нужно отдать ему справедливость: благодаря его трудамъ и энергій была открыта въ дѣтяхъ зѣмствомъ настоящая школа специально для старообрядчества, во встрѣченная на первыхъ порахъ прихожанами неприязненно, школа, только лишь благодаря его неустаннымъ заботамъ, не прекратила своего существованія. Теперь, когда результаты уже есть названъ, тотъ же, который лежалъ въ сердцахъ недоброжелателей школы, начинаетъ таять и большинство стремится похвалить своихъ дѣтей въ школу. Число желающихъ далеко превышаетъ то, что можетъ вытѣснить школьное зданіе. Остается лишь пожелать, чтобы начатое благо дѣло росло, ширилось и старообрядчество шло увѣренными шагами по пути культурнаго развитія.

Ученики красноярской старообр. земской школы, законоучитель священ. о. Бирюков, учитель В. И. Лукинъ.

Иерей Козьма Вдовинъ.

Волокол. слов. 15). Съ этого времени о. Козьма поналъ, что ревность его оказалась не по Вою и безполезна. О. Козьма былъ весьма строгъ къ религиознымъ убѣжденіямъ и капои-

Козьма Григорьевичъ Вдовинъ родился въ 1836 году, октября 23-го дня, крещенъ священникомъ Николаемъ, бѣжавшимъ отъ никоновскихъ повѣстей. О. Козьма происходилъ изъ крестьянъ Самарской губерніи, Бугурусаланскаго уѣзда, деревни Старовѣровки (въ послѣднее время перенеслась въ мѣшане гор. Самары). Образование получилъ домашнее. Женился К. Г., 17 лѣтъ, на дѣвницѣ Евдокіи Евдокимовой изъ рода Рожновыхъ. Таинство бракосочетанія ихъ совершалъ священникъ Лазарь бѣглопоповскаго общества, къ которому принадлежали и новобрачные. Родъ занятій о. Козьмы было хлѣбопашество.

Въ 1863 году, 1-го октября, Козьма Григорьевичъ Вдовинъ присоединился къ Бѣлокриницкому священству, къ непримолотымъ «Окружающее посланіе». Вскорѣ онъ оставилъ родину и родительскій домъ и переселился на жительство въ Уральскую область, близъ г. Уральска на форфостѣ, Глизовскій. Отсюда онъ часто прѣзжалъ въ гор. Уральскъ. Каждый разъ, какъ любознательный, глубоко-вѣрующій человекъ, онъ заходилъ къ своему епископу за благословеніемъ, который, въ свою очередь, видя усердіе Козьмы Григорьевича, обратилъ на его способности и омирное свое пастырское вниманіе. И въ 1864 году, 5-го апрѣля, епископъ Софроній рукоположилъ К. Г. во священники на приходъ г. Уральска.

По принятіи сама священничества, о. Козьма долгое время яро защищалъ неправо мудрованіе объ имени «Исусъ» и поддерживалъ раздоръ неокружниковъ. Строго было запрещено ему епископомъ его входить въ составленіе съ такъ называемыми «окружниками». Онъ имѣлъ ревность по мнимой истинѣ и старался со всевозможнымъ тщаніемъ привлекать людей къ своему убѣжденію и вѣрѣ. Но въ одно время поналъ отъ простаго старичка свое неправовѣріе. Тотъ объяснилъ ему, что не должно думать о никонянахъ, что они въ него Бога вѣрують, «потому что ты ихъ присоединилъ только вторымъ чиномъ» (см. 1-о прав. Вас. Вел., «Кормчая», л. 224. Иосифа

Иерей Козьма Вдовинъ.

чeskимъ требованіямъ, требовать этой строгости и отъ пасомыхъ своихъ. Своею распозожительностью и обожженіемъ онъ умѣлъ обратить на себя вниманіе, отчего и пользовался неограниченною любовью своей паствы, а равно и постороннихъ лицъ. Своею почитаніемъ и необиживенною памятью о. Козьма умѣло и стойко отражалъ нападающихъ на св. Церковь, а колеблющихся успокаивалъ, утверждалъ, въ вѣрѣ. О. Козьма издалъ много книгъ-дѣвичковъ и награждалъ ими всѣхъ и каждого, на что не жалѣлъ ни средствъ ни времени. Сильный духомъ и крѣпкій въ вѣрѣ онъ учравлялъ, весьма большимъ приходомъ сначала, теперь изъ него отродилось около сорока приходовъ, отъ Орешбурга до Гурьева. Въ 1902 году блаженныя памяти епископомъ Арсеніемъ былъ о. Козьма назначенъ благочиннымъ, каковымъ состоялъ до конца жизни. Онъ пережилъ трехъ епископовъ своей епархіи: Сефронія—своего рукоположителя (поокруж.), Виктора и Арсения и встрѣтилъ четвертаго Валогія, нынѣ здравствующаго. О. Козьма Вдовичъ имѣлъ немалое значеніе по всей Уральской области по дѣламъ Церкви, къ его голосу прислушивались всѣ приходы епархіи, съ нимъ имѣли постоянный со-вѣтъ и архиепископы старообрядческой Церкви. Въ 1914 году имѣло быть 50-лѣтіе его службы въ санѣ священника, но не дожидая нашъ маслѣный пастыръ-труженикъ до сихъ дней торжества. Самъ о. Козьма не справлялъ ни одного своего юбилея, онъ къ нимъ относился рѣзко отрицательно. Устраиваютъ,—говорилъ онъ,—торжество по случаю того, что прожилъ человекъ десять или двадцать пять лѣтъ, точно это заслуга какая. И многія животныя живутъ столько же, и имъ нужно справлять юбилей. На юбилеяхъ хвалятъ юбиляра. А за что? За то, что онъ прожилъ столько-то лѣтъ. А, можетъ-быть, было бы лучше, если бы онъ давно померъ или совсемъ бы не родился. Ничто не посмѣетъ сказать ему на юбилей правду. Всѣ его только хвалятъ, льстятъ ему, говорятъ заблужденную ложь. И въ этомъ—позоръ и развратъ почти всѣхъ юбилеевъ. Ихъ нужно искоренить, какъ зло, какъ растлѣніе. Ностанно находясь въ борьбѣ съ немощію своею и достигнувъ козней слабости, которая вала надъ нимъ побѣду, и, припопчотимъ всѣми дорогими пастырѣ нашъ мирно претавился въ вѣчныя обители, гдѣ да утѣнитъ душу его Господь въ нѣдрѣхъ Авраама и Исаака и Іакова.

А. Б. Марковъ.

Въ мѣстечкѣ Кеммертъ, близъ г. Риги, послѣ продолжительной болѣзни, на 61 году жизни, скончался беззабытнѣйшій въ старообрядствѣ, въ особенности въ Москвѣ, ревнитель древнеправославія Артемій Борисовичъ Марковъ. Покойный происходилъ изъ мѣщанъ г. Вронницъ. Находясь на частной службѣ у т-ва дангеловской м-ри въ теченіе 28 лѣтъ, покойный всегда стремился близко стоять къ дѣламъ духовнымъ: весьма интересовался жизнью старообрядчества, дѣлалъ старообрядческую духовную литературу, посѣщалъ усердно храмы Божіи, въ особенности любилъ онъ помолиться при торжественныхъ богослуженіяхъ въ дни престольныхъ праздниковъ въ тѣхъ храмахъ, гдѣ они торжественно праздновались.

Любовь Артемія Борисовича къ пастырямъ церковнымъ также была велика: онъ любилъ приглашать духовенство, въ особенности епископовъ, къ себѣ въ домъ, чтобы откушать у него хлѣба-соли и побесѣдовать про старообрядческую церковную жизнь.

Будучи въ душѣ глубоко вѣрующимъ христіанствомъ и ставя дѣла церковныя выше дѣлъ гражданскихъ, покойный умелъ даже иногда идти до большого риска, за каковой легко

А. Б. Марковъ.

было поплатиться своимъ благополучіемъ до объявленія религиозныхъ свободъ. Въ особенности покойный подвергалъ себя опасностямъ, когда онъ, въ октябрѣ 1898 года, соглашался просьбы благодѣтели московской старообрядческой каедрии епископа Артемія уральскаго, нынѣ покойнаго, рѣшился допустить у себя въ домѣ Освященнѣйшій Соборъ епископовъ. Время тогда было очень легкое для старообрядчества, но Артемій Борисовичъ, не посмотрѣвъ на это и сдѣлавъ великое и святое дѣло для пользы Церкви. На этомъ святомъ Соборѣ епископовъ кромѣ рѣшенія массы церковныхъ дѣлъ были избраны: священно-инокъ ярославскаго и вологодскаго и всего сѣвера (нынѣ умершій); епископъ донской Іоаннъ въ архиепископа московскаго и священно-инокъ Іона, смоленскаго епархіи (нынѣ умершій), но только были избраны въ епископа смоленскаго и калужскаго, но и рукоположенъ былъ въ этотъ святительскій санъ въ походной церкви въ домѣ того же покойнаго Артемія Борисовича.

Не постыжился покойный ревнитель Артемій Борисовичъ превратить свои хоромы въ номера для прѣзжихъ соборныхъ и отвести огромный залъ своего дома для соборныхъ засѣданій и для совершенія богослуженія, заботясь одновременно о процитаніи соборныхъ и ихъ спокойствіи, которое неизменно могло нарушиться, если бы ослабѣли были надзоръ и охрана соборныхъ засѣданій со стороны покойнаго Артемія Борисовича.

Если принять во вниманіе одну только вышеуказанную заслугу для Церкви покойнаго, кромѣ заслугъ другихъ, и тогда онъ достоинъ, чтобы каждый вѣрующій христіанинъ помолкися объ упокоеніи души скончавшагося раба Божія Артемія.

Погребеніе покойнаго Артемія Борисовича было совершено въ храмѣ Покрова Пресвятыя Богородицы на Рогожскомъ кладбищѣ, 23-го іюля, святѣмъ архіеріекомъ Іоанномъ, при участіи духовенства и полнаго хора пѣвцовъ московской старообрядческой общины Рогожскаго кладбища, и тѣло его было предано землѣ на кладбищѣ той же общины.

Да упокоитъ Господь душу его въ царствіи небесномъ!

г. Самара.

(Отъ нашего корреспондента).

28-го июля здѣсь совершена закладка трехпрестольнаго каменнаго храма на мѣстѣ, пожертвованномъ общинъ почетной гражданкой Маріей Кондратьевной Сашниной. На торжество соблаговолилъ прибыть высокопреосвященный архіепископъ Іоаннъ московскій съ діакономъ Іоанномъ Хрусталевымъ и двумя стихарями. Наканунѣ, 27-го июля, владыка Іоаннъ совершилъ всенощное бдѣніе въ существующемъ храмѣ, что на Саратовской улицѣ, а утромъ, 28-го, соборнѣ Божественную литургію, въ сослуженіи мѣстнаго духовенства: протоіереемъ о. Макаріемъ Захарыичевымъ, священникомъ о. Іоанна Тулунова и діакона Алексѣя Макарова и прѣзбытныхъ: Іоанна Хрусталева (Москвы), священника Казимера Корунцова (г. Сызрань), священника Трофима Янина (г. Сызрань), священника Андрея Пеханова (Киевъ), священника Григорія Ковнова (Карлинская гуца) и священника Ерилла Вахтина (Обшарова). Были два хора—изъ Балакова и мѣстн. По окончаніи литургіи было совершено крестный ходъ на мѣсто закладки новаго храма. По прибытіи на мѣсто совершено молебнѣ храму и затѣмъ по древнему уставу святой Церкви закладка новаго храма, на четырехъ углахъ основанія владыка Іоаннъ прочиталъ молитву и положилъ по камню. Затѣмъ прочеъ духовенство, попомечали и жертвователиница положили по камню. Послѣ сего о. діакопъ Іоаннъ Хрусталевъ провозгласилъ «Царское» многолѣтіе, и крестный ходъ вернулся обратно въ храмъ съ пѣніемъ священными пѣсноупѣн. На торжествѣ народу было очень много. Въ храмѣ владыка произнесъ соответствующее слово. По окончаніи торжества Марія Кондратьевна Сашнина пригласила гостей на обѣдъ къ себѣ въ домъ. Во время трапезы была прочитана телеграмма, которая затѣмъ послана на имя Государя Императора.

г. Алексѣевскъ, Амурской обл.

(Отъ нашего корреспондента).

Здѣсь организуется старообрядческая Іоанно-Богословская община. На-дняхъ въ амурское областное правленіе подано за подписомъ 56 лицъ соответствующее заявленіе. Организаторомъ общины является мѣстный священникъ Іуліанъ Тукаловъ.

Село Верхнее Мячково, Бронницкаго уѣзда.

(Отъ нашего корреспондента).

30-го іюня изъ тураевского старообрядческаго храма было совершено крестный ходъ въ село Верхнее Мячково. Въ 9 час. утра послѣ Божественной литургіи вышелъ крестный ходъ въ главѣ со свяченомъ о. Андріаномъ Гладченко при участіи діакона Рогожскаго кладбища о. Андрея Муравьева и пѣвцовъ мѣстнаго хора. Въ Мячковѣ среди села было отслужено молебнѣ съ водоосвященіемъ, а по окончаніи молебна діакопъ Муравьевичъ былъ сказанъ многолѣтіе Государю Императору и всему Царствующему Дому, архіепископу Московскому Іоанну и всѣмъ православнымъ христіанамъ. Величественное шествіе крестнаго хода въ с. Мячкѣ встрѣчено многочисленнымъ народомъ. Древнее богослуженіе, которое впервые услышано въ этой мѣстности, произвело глубокое впечатлѣніе на молящихся, а полнота службы безъ сокращенія положеннаго церковнаго устава имѣла огромное значеніе въ глазахъ посѣдвателей господствующей церкви.

При возвращеніи обратно крестнаго хода въ Турсаво народъ помогалъ въ пѣсеніи хоругвей и вообще святыни.

Крестный ходъ возвратился въ Турсаво въ 4 часа пополудни.

Издатель А. И. Королевъ.

Редакторъ И. П. Федоровъ.

СОДЪРЖАНІЕ:

Христіанство и вѣроупри-
мость Константина Великаго.
Обзоръ печати. — Апостолы-
Искаріоты. — Какъ крещенъ
Бѣлокриницкій митрополитъ
Амвросій, ст. *Θ. Мельникова*.
Второй Римъ, историческая
повѣсть *еп. Михаила*. — Сред-
ніи миссіонеровъ. — Отвѣты
редакціи. — Новый храмъ на
Рогожскомъ кладбищѣ. — Цер-
ковно-общественная жизнь.
Объявленія.

Рисунки и снимки.

ВОЗЗВАНІЕ.

Мы, старообрядцы Поморскаго Солгасія древняго города Пскова, начали еще въ прошломъ году на свои скудныя средства и нѣкоторыя пожертвованія строить новый храмъ Божій, но осуществленіе наше заветное желаніе теперь не приходится, потому средства иссякли, а при-
жане бдѣные, вотъ и стоитъ нашъ храмъ молитвы недостроенный, съ непокрытой головой, но мы, при всей нашей горячей любви къ Богу и Его храму, никакъ не въ силахъ довершить этого великаго дѣла, посему еднулю надежду положили на Бога и васъ, христіанские христіане, поэтому сердечно просимъ помочь намъ ради Христа достроить Божій храмъ. Подайте руку помощи въ этомъ святомъ дѣлѣ намъ, бдѣякамъ, и Всевышній вознаградитъ васъ Своєю милостію.

Не откажите намъ, добрые христіане, своею посильною помощію, за что будемъ предъ престоломъ Создателя возносить наши горячія молитвы за ваше здравіе и благоденствіе.

Всякая дѣта и всякое дѣланіе будетъ принято съ глубокою благодарностью и на каждое пожертвованіе по желанію будетъ данъ отвѣтъ.

Адресъ для пожертвованій:

Совету Псковской общины Старообрядцевъ Поморскаго Солгасія,
или на имя Предсѣдателя Совета И. К. Мошарова, въ Псковѣ.

ОТЪ РЕДАКЦИИ. Рукописи просятъ писать разборчиво и на одной сторонѣ листа, при чемъ между строками слѣдуетъ оставлять возможно широкіе пробѣлы. Снимки, планы и проч. слѣдуетъ вкладывать въ пакеты такимъ образомъ, чтобы они не ломались.

С-ПЕТЕРБУРГЪ ПЕРИФОНА И.И.

ТОВАРИЩЕСТВО
П. И. ОЛОВЯНИШНИКОВА
СЫНОВЬЯ

.....ЦЕРКОВНАЯ УТВАРЬ.....
 ..ПАРЧА КОЛОКОЛА ИКОНЫ..
 .. ЦЕРКОВНАЯ ЖИВОПИСЬ ..

МОСКВА НИКОЛЬСКА...

Книгоиздательство старообрядческих пѣвческих
крюковыхъ книгъ

„ЗНАМЕННОЕ ПѢНІЕ“

Адресъ: Москва, Владиміро-Долгоруковская ул., Чухинскій пер. (быш. тупикъ), д. № 15, Книгоиздательству „Знаменное Пѣніе“. **Телеф. № 538-95.**

Обращаемъ вниманіе гг. покупателей.

Приобрѣтена нами въ собственность новая книга „ИЗБРАННЫЯ ПѢСНОПѢНІЯ ДВУНАДЕСЯТЫМЪ ПРАЗДНИКАМЪ“, изданіе священника о. Г. Д. Дрибницева, СПБ, 1912 г., содержащая въ себѣ всѣ необходимыя пѣснопѣнія двудесятиемъ праздникамъ: стихиры, славники, ирмосы, свѣтлыни и друг. самогласны и крюковаго знаменнаго распѣва.

Для пѣвца книга „Избранныя пѣснопѣнія“ въ двудесятиемъ праздники можетъ вполне замѣнить собою праздничную или мѣсячную Миссю и крюковыя книги: Праздники, Ирмосы и Обиходъ.

Необходима псаломщикамъ, уставщикамъ, руководителямъ любительскихъ хоромъ и учителямъ старообрядческихъ и единоувѣческихъ школъ, а также—любителямъ пѣнія.

Книга издана на хорошей слоной бумагѣ въ двѣ краски; содержитъ въ себѣ 36 печатныхъ листовъ (388 страницъ).

Цѣна въ обложкѣ четыре рубля безъ пересылки.

ИМѢЮТСЯ ВЪ ПРОДАЖЪ

ПѢВЧЕСКІЯ КРЮКОВЫЯ КНИГИ.

УЧЕБНЫЯ:

1. „Азбука церковнаго знаменнаго пѣнія“ Л. Ф. Калашникова, изданіе 2-е (распродана). Печатается 3-е изданіе ея.
2. „Онтай“, въ обложкѣ цѣна 1 руб. 50 коп., въ коленкоромъ переплетѣ цѣна 2 руб.
3. „Азбука демественная“ съ разводомъ на простыя крюки. Составилъ Л. Ф. Калашниковъ, въ обложкѣ цѣна 75 к., въ коленкоромъ переплетѣ съ золотымъ тисненіемъ цѣна 1 руб.
4. „Учебникъ знаменнаго и демественного пѣнія“ Л. В. Быстрова, въ обложкѣ цѣна 75 коп., въ коленкоромъ переплетѣ съ золотымъ тисненіемъ цѣна 1 руб.

Примѣчаніе. Школамъ, выписывающимъ учебныя крюковыя книги на сумму не менѣе 5 руб., дѣляется скидка 30% при пересылкѣ за счетъ покупателя.

БОГОСЛУЖЕБНЫЯ:

1. Ирмосы полныя въ обложкѣ. Цѣна 10 руб.
  2. Онтай полный въ обложкѣ. Цѣна 5 руб. 50 к.
  3. Обиходъ полный въ обложкѣ. Цѣна 6 руб.
  4. Праздники двудесятиемъ въ обложкѣ. Цѣна 9 руб.
  5. Обѣдница знаменнаго и демественного распѣва съ архіерейскимъ служеніемъ, въ обложкѣ. Цѣна 4 руб.
  6. Онтай средній въ обложкѣ Цѣна 3 р. 25 к.
  7. „Избранныя пѣснопѣнія двудесятиемъ праздникамъ“ въ обложкѣ. Цѣна 4 р.
- Примѣчаніе.** Вышесказанныя семь книгъ продаются и въ переплетахъ: въ кожаномъ прочномъ на 2 руб. 50 коп. дороже; въ коленкоромъ съ тисненіемъ золотомъ и краской, кожаный корешокъ, на 1 руб. 25 коп. дороже. Книги: Онтай съ Обиходомъ, Обиходъ съ Обѣдницей, въ кожѣ, имѣются переплетенными двѣ въ одинъ переплетъ, Цѣна переплетовъ та же, т. е. 2 р. 50 к.

При заказѣ книгъ необходимо присылать задатокъ или всю сумму и писать разборчиво свой адресъ, указывая ту почтовую контору или желѣзнодорожную станцію, гдѣ желаютъ получить посылку.

Желаая устранить затрудненія гг. покупателей въ опредѣленія стоимости пересылки, книгоиздательство принимаетъ пересылку пѣвческихъ книгъ на свой счетъ. Пересылка же на другія книги и изданія относится на счетъ покупателя.

Примѣчаніе. Выписывающимъ одновременно пѣвческихъ крюковыхъ книгъ на сумму не менѣе 25 рублей дѣляется скидка 20% на 50 р. и болѣе—25%. На переплеты скидка не дѣляется. При скидкѣ пересылка относится на счетъ приобретающаго. На книгу „Избранныя пѣснопѣнія“ скидки нѣтъ.

Содержаніе книгъ, образецъ бумаги и печати и полный каталогъ высылаемъ бесплатно.

О Т К Р Ы Т А П О Д П И С К А
НА К Н И Г У

„П РА Щ И Ц А“

Она была составлена известным гонителем старообрядчества Петиримомъ, митрополитомъ Нижегородскимъ, и издана правительствующимъ синодомъ.

При ней напечатано и знаменитое подложное **СОБОРНОЕ ДѢЯНІЕ НА ЕРЕТИКА МАРТИНА АРМЕНИНА.**

Въ этихъ двухъ произведеніяхъ синодальной іерархіи чрезвычайно ярко и полно выражены ея взгляды на древніе церковные обряды и преданія, содержимыя старообрядцами, они объявляются здѣсь проклятыми, еретическими и скверными.

Книга „Пращца“ давно вышла изъ продажи и стала большою рѣдкостью, ее трудно достать за 15—20 рублѣй.

Нынѣ она издается въ точной копіи съ изданія 1752 года: сохранены въ ней—тоже съчесть листовъ, то же количество строкъ въ каждомъ листѣ, тѣ же снимки, какіе въ ней находятся, и тѣ же грамматическія особенности. Печатается славянскимъ шрифтомъ на хорошей бумагѣ.

Несмотря на большія затраты на это изданіе „Пращцы“ съ „Соборнымъ дѣяніемъ на Мартина“ при ней, подписная цѣна назначается весьма доступная:

3 руб. 50 коп.

для ямца, уплачивающаго эту сумму сполна къ 1 янв. 1914 г.

По выходѣ въ свѣтъ изданія цѣна будетъ повышена и во всякомъ случаѣ будетъ

не ниже 5 рублей безъ пересылки.

Книга „Пращца“ будетъ снабжена большою историко-критическою статьей, написанною Ф. Е. Мельниковымъ.

ПОД П И С К А П Р И Н И М А Е Т С Я :

1) у Н. М. Вострыкова. Москва, Издательскій Вор., № 12.

2) въ старообрядческомъ Братствѣ Честнаго Креста: Москва, Большіе Каменщики, д. № 3.

МОСКОВСКІЙ БАНКЪ.

Складочный капиталъ 20,000,000 рублей.

П Р А В Л Е Н І Е въ Москвѣ, Биржевая площадь, домъ № 2.

Отдѣленія въ Богородскѣ (Московской губ.), Витебскѣ, Вышнемъ-Волоцкѣ, Вяземѣ, Иваново-Вознесенскѣ, Костромѣ, Островѣ (Псковской губ.), Псковѣ, С.-Петербургѣ, Ржевѣ, Сергіевскомъ Посадѣ (Моск. губ.), Смоленскѣ, Сычевкѣ (Смоленской губ.) и Ярославлѣ.

ПРОИЗВОДИТЬ ВСѢ БАНКОВСКІЯ ОПЕРАЦІИ.